Clan Novel 3 — Gangrel

Новелла Клана 3 — Гангрел

Машинный ознакомительный материал выполнен для TWADOMAM — https://vk.com/twadomam

Часть первая: Камень

Среда, 7 июля 1999 г., 12:34 AM
Жилой дом в Гарлеме
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Тихий. Или настолько близко к тишине, насколько Жавон вообще могла услышать. Настоящую тишину она бы не признала. Даже посреди ночи вдалеке слышались звуки машин. И, возможно, выстрелы, но они не беспокоили ее, если только не были очень близко. Она даже могла отгородиться от звуков с улицы внизу: пьяница или проститутка, иногда одно и то же — безликая, развратная женщина, которая, возможно, когда-то была красивой (трудно было представить), но наркотики и бесконечная игра в музыкальные приемы измотали ее, и она стала не более чем тощей коллекцией безвкусных цветов и резких углов — сисек и локтей, помады и высоких каблуков.

Эти звуки были фоном, скрытой частью жизни. Жавон не заметила бы их, если бы они исчезли.

Она уже почти не слышала топота и криков детей Эрнандес внизу. Они уже легли спать, и поздний ночной почти штиль нехотя воцарился в многоквартирном доме. Особых звуков, которые Жавон напряглась, чтобы услышать, не было. В соседней комнате было тихо. Мама легла спать. Через полчаса, как и каждый вечер, она встала, чтобы выпить стакан воды, и снова легла. Это было час назад. Если бы это была одна из бессонных ночей, телевизор бы уже включили. Не громко, потому что мама не хотела будить Жавона, но со стенами, достаточно тонкими, чтобы она могла услышать, как кто-то на другой стороне чешет зуд, каждая реклама доносилась до нее ясно, как день. Но не сегодня. Мама спала. Ей нужно было встать рано утром и успеть на метро на работу.

Жавон одевалась молча. Мама, может быть, и хотела бы спать по ночам, но ее маленькая дочка — нет.

Маленькая девочка, черт возьми, — подумал Жавон.

Ей было пятнадцать, она была взрослой женщиной. У нее были подруги, у которых уже были маленькие дети. Но такая жизнь была не для нее. Не может быть. Ни в коем случае. Она видела, через что проходили ее подруги, таская за собой орущих детей или оставляя их у тети или двоюродной сестры, просто чтобы хоть иногда отлучаться. В детях не было ничего плохого, но они требовали много работы и много денег.

По крайней мере, у мамы была работа. Она не собиралась сидеть сложа руки и гнить на пособии, как и Жавон. Она собиралась закончить школу. Когда-нибудь у нее будет работа и ребенок, но не сейчас.

Конечно, это не означало, что мальчики были вне закона.

Окно было открыто и манило. Избитый кондиционер, который у них был, больше не работал. Конечно, он дребезжал и капал, но не более того. Он не охлаждал воздух. В следующую зарплату мама собиралась купить вентилятор, а пока Жавон легко проскользнул в окно, проверив пожарную лестницу, чтобы убедиться, что мистер Эрнандес не сидит внизу. Иногда ночью, особенно когда было очень жарко, он сидел там и пил пиво. Когда он это делал, Жавон чувствовал запах сигаретного дыма и слышал звон бутылочных пробок, которые срывались по железным лестницам вниз на улицу. Сегодня его там не было, но изнутри его квартиры мерцал голубой свет телевизора.

Жавон осторожно прильнула к окну Эрнандесов и заглянула между потертыми занавесками, которые безжизненно висели в неподвижном воздухе. Мистер Эрнандес спал на диване. Его жена сидела рядом с ним и смотрела в телевизор. Миссис Эрнандес, как и мама, была красива, но это была усталая красота. Четверо детей выжали из пуэрториканки все силы,

выкачали из нее жизнь, но, несмотря на запавшие глаза, ее лицо оставалось привлекательным и тонким — маленький нос, высокие скулы. Ей повезло, что у нее не осталось шрамов от тех случаев, когда мистер Эрнандес слишком много пил и бил ее. Это случалось нечасто, но когда это происходило, Жавон и мама слышали это так, будто были рядом.

Черт, да его слышит весь квартал, — подумал Жавон.

Прошлый раз был самым худшим. Так громко, что Жавон думала, будто чувствует его кулак. Маме надоело. Жавон пытался остановить ее, но мама спустилась вниз и сказала, что если он собирается снова ударить свою жену, то сначала должен ударить маму. Из-за всех этих криков Жавон боялся, что так и будет, но через некоторое время он, ругаясь, выскочил и хлопнул дверью. С тех пор все было очень тихо.

Сидя на корточках на пожарной лестнице за окном, Жавон заметила почти пустые пивные бутылки у своих ног. Она подняла одну. Окурка внутри не было, и она сделала глоток. Она постаралась не скривиться — на вкус как моча! -но ничего не могла с собой поделать. Друзья всегда дразнили ее за это, когда Альвина крала у папы упаковку пива.

Все еще удивляясь, как кому-то может нравиться этот напиток, Жавон поставил бутылку на место, но стекло ударилось о металлическую пожарную лестницу. Звон, раздавшийся в тихой ночи, показался Жавон таким же громким, как грохот мусоровоза, проезжающего по переулку в шесть утра. Она отпрянула от окна и затаила дыхание. Ее сердце бешено колотилось. Жавон ждала, казалось, целую вечность, застыв так неподвижно, что, казалось, вот-вот описается. Ничего не происходило. Болтовня из телевизора не прекращалась. Голубой свет по-прежнему мерцал изнутри. Не было никаких признаков того, что кто-то слышал бутылку, но Жавон все еще не была уверена. Она направилась в сторону окна и заглянула внутрь.

Мистер Эрнандес не шелохнулся. Он по-прежнему был мертв для всего мира, откинув голову на спинку дивана. Миссис Эрнандес, однако, казалась более бдительной, чем раньше. Она наклонила голову набок и прислушивалась более внимательно.

Она слышала! — Жавон поняла. Она застыла на месте, боясь пошевелиться, боясь дышать.

В конце концов миссис Эрнандес, вероятно, убедившись, что все, что она могла слышать, не принадлежит ее детям, вернула свое внимание к тихо гудящему телевизору. Мистер Эрнандес зашевелился во сне, и она с любовью погладила локон на его лбу.

Жавон вздохнула долгим, тихим вздохом. На всякий случай она подождала еще несколько минут — ей показалось, что прошло несколько часов, — потом еще раз взглянула в окно, чтобы убедиться, что миссис Эрнандес не следит за ней. Пожилая женщина сидела, не обращая внимания.

Четверо детей в двухкомнатной квартире, — подумала Жавон, качая головой в недоумении.

Такая же по площади квартира была мала только для нее и мамы, и это при том, что мама уступила Жавон спальню, а сама спала на раскладном диване. Жавон снова покачала головой. Но это была жизнь миссис Эрнандес, а Жавон предстояло вести свою собственную.

Последние два витка пожарной лестницы проходили мимо глухой стены и заканчивались в десяти или двенадцати футах над переулком. Спуск последней лестницы был бы слишком шумным, поэтому Жавон свесилась с нижней ступеньки и упала. Позже она забралась бы по водосточной трубе, чтобы вернуться на ступеньки. Она была довольно спортивной и координированной, но в этот раз она приземлилась очень жестко, и ей пришлось ловить себя, чтобы не упасть на задницу. Острая, жгучая боль пронзила ее правую руку.

— Ой! Черт! — полушепотом, полувзволнованно произнесла она. Она подняла руку и обнаружила, что в ее ладонь воткнулась крышка от пивной бутылки. Видимо, она лежала на земле зазубренным краем вверх. Жавон вырвала ее из руки, и кровь хлынула из маленького, но глубокого кольца отверстий. Она скорее рассердилась, чем обиделась, швырнула крышку бутылки в стену и уставилась к окну Эрнандесов.

Вонючий риканский пьяница.

В переулке никого не было. Никто не видел ее и не слышал, как она звала, когда поранила руку. Несмотря на это, Жавон продолжала приседать и внимательно смотреть по сторонам. Иногда, даже когда она была одна в своей комнате, у нее было ощущение, что кто-то наблюдает за ней. На мгновение ей снова почудилось это. Но теперь она знала, что там никого нет.

Жавон переключилась на то, что привело ее сюда сегодня вечером:

Адриан.

От одной мысли о нем у нее по позвоночнику пробегали мурашки. Он был высоким и стройным, и не носил свои штаны, спадающие с его задницы. Конечно, она отшлепала его в тот день, когда он ее пощупал, но это было потому, что она хотела уважения от мужчины. А не потому, что она его не хотела. Жавон не собиралась позволять ему так просто залезть к ней в штаны, не сейчас. Она знала, где он тусовался. Он тоже не был достаточно взрослым, чтобы попасть туда, но его брат работал на входе, и пока вокруг не было копов и никто не затевал драки, кого это волновало?

Жавон повернула направо, в сторону от главной улицы, и направилась вглубь переулка. Ей оставалось пройти еще около двадцати кварталов, и она не хотела привлекать внимание кого-либо, кто мог бы проезжать в этот час — полицейского или сутенера. В середине кварталов было много переулков, и она

была достаточно тихой и быстрой, чтобы проскочить мимо любого, кто мог бы доставить ей неприятности. Она уходила мимо или возвращалась обратно тем же путем, что и пришла, — и они даже не успевали заметить, что она там была.

Она пыталась придумать, что скажет Адриану, когда увидит его. Она не хотела, чтобы он зазнался и подумал, что она в отчаянии из-за него, потому что это не так. Но почему она пересекла полгорода, чтобы увидеть его? Он ни за что не поверит, что она просто случайно оказалась на улице и зашла купить пива для своей несовершеннолетней задницы. Она должна была что-то придумать. Она видела, как он смеется, как блестят его глаза. Жавон видела, как он смотрит на других девушек. Ей хотелось, чтобы он смотрел на нее так же, но она не хотела, чтобы он был мужчиной, который был на ней, от нее, а потом исчез из ее жизни. Именно это произошло с ее подругами. Парни крутились вокруг нее, как сука во время течки, но как только они получали то, что хотели, они исчезали до тех пор, пока не наступал следующий раз, когда у них начнет чесаться зуд. Жавон этого не хотела.

Она остановилась и прижалась к стене, когда переулок перешел в большую улицу. По ней ехала старая, побитая машина. Жавон могла различить силуэты двух людей и светящийся пепел сигареты, свисающий изо рта одного из них. Казалось, они не обратили на нее никакого внимания, когда проезжали мимо. Она посмотрела еще раз, затем перебежала улицу и пробежала через квартал до следующего переулка. Семь или восемь кварталов вниз. Почти половина пути.

Однажды, несколько недель назад, Жавон назвала Адриана маме, и мама набросилась на угоняющего машины, курящего наркотики подражателя гангстеров. Мама сказала, что она знает его маму, и что он мог бы расти и в притоне. Она сказала, что даже Господь не сможет заставить яблоко упасть далеко от дерева.

— Но ты даже не знаешь его! — настаивала Жавон. — Ты всегда говоришь, что мы должны вести себя с людьми харизматично.

— Я знаю его, — огрызнулась мама. — Я знаю его тип. Почему ты думаешь, что твоего папочки больше нет? Я буду милосердна к Адриану, хорошо. Я буду милосердна, когда он будет приводить себя в церковь вместо того, чтобы продавать наркотики и бегать за девушками.

Но мама была не права. Жавон поморщилась при мысли о том, что они будут кричать друг на друга. Они никогда особо не ссорились. Во всяком случае, раньше. В последнее время каждый день казалось, что есть из-за чего ссориться. Но это было только потому, что мама была настолько же упряма, насколько и неправа.

— Если ты такая умный, почему ты работаешь сама на себя, до смерти, а мы, бедные, живем здесь, в этом вонючем месте? — Так сказала Жавон, а она пожалела, что не сделала этого, как только слова вырвались из ее рта.

Мама взорвалась.

— Немедленно отправляй свою бедняжку в постель! Ни слова больше! Больше ни слова, или, да поможет мне!... — Но в ту ночь Жавон слышала мамин плач даже сквозь шум телевизора.

Но она ошибается! Жавон все еще держалась за это. Мама не всегда могла знать, что правильно для Жавон. Она знала, что делает. Именно об этом она думала, когда, свернув за угол, ни с того ни с сего столкнулась с задиристым мужчиной.

Жавон вскрикнула от удивления. Мужчина, поняла она, когда он схватил ее, ничуть не удивился. Его грязная рука плотно и сильно зажала ей рот, чтобы она не смогла укусить его. Он поднял ее почти с земли — только кончики туфель задевали тротуар — и потащил дальше в темный переулок.

Рукой, которая не закрывала ей рот, он хватал ее за грудь, сжимая и разжимая ее груди. Она снова попыталась укусить. Слишком тесно прижавшись к нему, чтобы схватить его за яйца, она потянулась свободной рукой, которая не была прижата, чтобы выцарапать ему глаза.

Затем она услышала другой звук — щелчок открываемого ножа. Но у мужчины, набросившегося на нее, в руках не было ножа. Она увидела движение в тени справа от себя. Там был кто-то еще.

На мгновение Жавон подумала, что, возможно, кто-то собирается помочь ей, воткнуть нож в грязную руку ублюдка, который держал ее, но затем она увидела извращенную ухмылку косоглазого человека, который вышел из тени.

— Так, так, так. Что тут у тебя, Реджи? — Свет сверкнул на лезвии его ножа.

Реджи не ответил, но зарычал и стал лапать еще сильнее, когда Жавон перестала сопротивляться. Она чувствовала, как его стояк прижимается к ее заднице.

— Вот так-то лучше, — сказал косоглазый. — Нам ведь не нужны неприятности, правда?

Он поднес нож к ее лицу и кончиком лезвия слегка провел линию от подбородка вниз по шее. Сердце Жавон колотилось так, что казалось, оно сейчас выскочит из ушей. Вонь и вкус грязной руки Реджи переполняли ее чувства. Когда Реджи полез под рубашку, а косоглазый стал возиться с ее поясом, ей стало плохо. Может быть, это заставит его отпустить ее рот — если ее стошнит. А может, он не отпустит, и она захлебнется собственной рвотой.

Нож уколол ее кожу у ключицы. Косоглазый был возбужден, беспечен. Его рука залезла ей в штаны, нащупывая, но ее колени были сжаты вместе. Разочарованный ее

сопротивлением, он ударил ее в глаз. В темноте заплясали огни, и силы покинули ноги Жавона. Пока косоглазый дергал ее за штаны, нож все глубже вонзался в ее плечо.

Свет рассеялся, и Жавон повернулась. Это движение застало их врасплох, но не настолько, чтобы Реджи потерял хватку. Косоглазый выругался и снова ударил ее по лицу. Тьма сомкнулась. Она лишь смутно осознавала, что он спустил ее штаны до колен. Реджи разорвал ее лифчик и сжимал сосок в пальцах. Его несвежее дыхание и капающая слюна обжигали ее шею.

“Не убивайте меня”, — молилась она, глядя на пляшущие огни. — “Не убивайте меня.”

Но почему они должны изнасиловать ее и оставить в живых, чтобы она вызвала полицию?

— Мама... — Жавон услышала свой собственный голос. Реджи отпустил ее рот и хватался за ее промежность, пока косоглазый работал над своей ширинкой.

Внезапно, в рычащей вспышке движения, косоглазый исчез. Нож упал на землю. Косоглазый закричал от боли и страха.

— Что за...? — Реджи ослабил хватку настолько, что Жавон смогла вырваться из его хватки. Она крутанулась, упав на колени, и изо всех сил ударила кулаком в его промежность.

Реджи сложился вдвое и рухнул на землю, где лежал, хрипя. Жавон отступила от него. Ее зрение мерцало, когда пляшущие огни снова задушили ее.

Дорогой Бог... дорогой Бог... дорогой Бог...

Тротуар был шершавым под ее голыми бедрами. Она лежала, свернувшись в клубок и прижимая к груди разорванную рубашку. В нескольких футах от нее косоглазый больше не

боролся. Ночь была полна дикого рычания и звуков рвущейся одежды? Кожу? Бешеный пес. Жавон показалось, что она видела вспышку клыков. Она набросилась на Реджи. Он начал кричать, но звук оборвался, потерявшись в рычании и разрыве.

Жавон знала, что ей нужно встать и бежать. Собака настигнет ее в любую секунду. Но она не могла пошевелиться. Ее воля отступила глубоко внутри нее. Она могла только обнимать колени, раскачиваться взад-вперед и звать маму. Аль-лей вращался. Вкус руки Реджи был у нее во рту, на языке. Она вздрогнула, когда его кровь брызнула ей на лицо с расстояния в несколько футов. Протяжные стоны… Секунды и минуты сменяли друг друга. Она почувствовала на себе руки. Косоглазый дергал ее за штаны. Реджи хватался за ее грудь, поднимая ее с земли. Но разве они не ушли?

Не убивай меня.... Дорогой Бог... Не убивай меня.

Танцующие огни. Темнота. Вращение.

Глаза Жавон дрогнули и открылись. Ржавое железо. Лестница. Пожарная лестница. И она увидела лицо девушки, не намного старше себя — это кровь на ее лице? — стоящую над ней на коленях в темноте. Девушка держала руку Жавона… целовала ее — нет, облизывала ладонь.

Снова темнота.

Но потом Жавон открыла глаза — было утро. Был виден первый розовый свет восхода, а в городе уже было жарко, липко.

У Жавон болело все — голова, плечо, грудь, ноги. Но она была дома, лежала у своего окна. Она была жива.

Подняв правую руку от груди, она снова вспомнила первую и, безусловно, наименее серьезную травму этой ночи, но кольца крошечных проколов от крышки бутылки уже не было.

Среда, 7 июля 1999, 9:39 Бронкс
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Вода. Капает. Рамона открыла глаза, но темнота внутри отражала темноту снаружи. Куда идти — вверх, куда — вниз? Резкая боль в шее подсказала ей, что она слишком много часов пролежала, свернувшись в клубок, но она не двигалась. Она слушала, как капает вода. Далекое журчание. В конце концов, за ним последует другой. Интервал между ними тянулся к бесконечности. Как долго она лежала здесь? Рамона навострила уши. Она должна была вырвать звук следующей капли из пустых часов. Она была самым настоящим хищником. Терпение могло бы согнуть время по ее воле. Она представила, как где-то в милях скал и льда над ней лучи солнца пробиваются сквозь густые облака и играют на ослепительной поверхности ледника. Даже под пронизывающим ветром образовалась капелька воды и, пленница гравитации, прокладывала себе путь через трещины и щели. Вниз, вниз. Часы? Дни? Она цеплялась за нижнюю часть валуна над пустотой, удлинялась, сжималась, начинала падать, снова притягивалась к скале. Наконец, он вырвался на свободу. Падение, падение...

Вот. Отдаленный звук капающей воды.

Рамона нажала кнопку на своих часах, и слабый зеленоватый свет осветил ее маленькое помещение. Капала вода. Или, может быть, антифриз. Она прочитала цифровые цифры. Двадцать восемь секунд.

Дерьмо. Настоящий хищник.

Она подтянула колени к подбородку — всего на несколько дюймов — и резким двойным ударом распахнула багажник. Разбитая машина Рамоны находилась в самом низу штабеля, поэтому ей не пришлось далеко падать, чтобы достать до земли.

Башни из помятого и искореженного металла окружали ее почти со всех сторон. Узкие тропинки, как каньоны, расходились в разные стороны. Когда Рамона потягивалась и зевала, засохшая кровь трескалась и капала изо рта.

Как только ее ноги коснулись земли, откуда-то с другого конца двора раздался лай. Звук стремительно приближался сквозь лабиринт лома, пока два ротвейлера, оскалив зубы и оскалив пасть, не скрылись за ближайшим к Рамоне поворотом.

— Добрый вечер, ребята.

Мгновенно они затихли и легли, отряхиваясь и слизывая пену со своих щек. Рамона почесала Рекса за ухом. Ровер, у которого, как она уже заметила, были ушные раковины, благодарно хрюкнул, когда она опустилась на колени и вылизала его розовое ухо. Рекс и Ровер. Рамона назвала их в честь атрибутов проститутки, которую она когда-то знала, чьи — собаки-близнецы с розовыми носами — всегда были рады поприветствовать клиента.

Рамона испытывала искушение свернуться калачиком с мальчиками и провести тихий вечер. Ее живот был полон, и ей не нужно было кормить несколько ночей. Однако после прошлой ночи ее охватило смутное беспокойство. Наверное, ей стоит как-нибудь проведать Джен и Дарнелла, но эта мысль ее не радовала. Все еще не зная, что ей делать, она еще раз похлопала мальчиков, а затем побрела прочь через автомобильные кучи.

Она позволила своим ногам выбирать любой путь, и, легко перепрыгнув через колючую проволоку на заборе, она попала в большую пустыню, которая лежала за его пределами. Рамона почти ничего не знала о Нью-Йорке, да и не стремилась узнать. Как по-другому она смотрела на город, чем всего два года назад. Тот или иной район, названия улиц и кварталов — все это были бессмысленные различия дневного мира. Единственный и важный урок, который она усвоила задолго до

того, как ступила на землю Нью-Йорка: Остерегайся. Опасения были многочисленны.

Остерегайтесь солнца; оно сжигает плоть.
Остерегайтесь недостатка крови; голод возьмет верх.
Остерегайтесь слишком большого количества крови, ее вида и запаха; голод снова возьмет верх.
Остерегайтесь своих сородичей, они повсюду.

Даже в своих блужданиях Рамона была настороже. Она знала достаточно, чтобы быть настороже, если не больше. Когда она шла по безымянным улицам, смертные, идущие по своим делам, не волновали ее. Но кто из них, как казалось, был действительно смертным, а кто — таким же, как она? Не имея возможности определить, Рамона старалась держаться от них подальше. Она вспомнила банду в Лос-Анджелесе, которую приняла за смертных, и то, как они смеялись, когда им следовало убегать. Она вспомнила о том, что произошло в зарослях мескита в Техасе, и как ей удалось спастись.

Рамона перешла улицу, чтобы избежать света и активности круглосуточного магазина. С этого расстояния она смотрела на продавца в пуленепробиваемой будке, на чернокожего мужчину у телефона-автомата. Были ли они тем, кем казались, или чем-то большим? Любопытство Рамоны не взяло верх, и она продолжила путь. Однако легкий ветерок заставил ее остановиться. Слабый, смутно знакомый запах привлек ее внимание. Ее разгоряченные ноздри задержались на нем лишь на мгновение, прежде чем он исчез.

Я знаю этот запах, сказала она себе, но откуда, и что это было?

Она стояла и нюхала воздух, но короткий дразнящий ветерок в ту липкую летнюю ночь был мертв. Она знала этот запах. Что это? Она попыталась вспомнить.

Внезапно Рамона повернула направо, против ветра, и помчалась в том направлении. Если ветер не поможет, она сама найдет источник этого запаха. Один квартал, затем другой остались позади. Она сканировала улицу, не забывая следить за запахом, который она выслеживала. Проезжающие мимо смертные, вероятно, не замечали ее. Она двигалась со скоростью, которая совсем недавно перестал ее удивлять.

Пройдя шесть кварталов, она остановилась и снова принюхалась к воздуху. Запаха не было, или же он был замаскирован насыщенной, многослойной вонью города. Рамона была уверена, что сможет уловить его, если он еще сохранился.

Она стояла несколько минут, полусогнувшись и принюхиваясь. Ничего.

Возможно, подумала она, она просто слишком остро реагирует на окружающую обстановку. В Нью-Йорке каждую ночь появлялись сотни новых запахов, и сила ее обоняния даже спустя два года иногда заставала ее врасплох.

Оставив загадочный и, возможно, воображаемый запах позади, Рамона поняла, что находится в знакомом районе. Маршрут ее блужданий был непреднамеренным, но не удивил ее. Прошлая ночь. Сегодня ночью. Много ночей назад. Она проходила мимо на этих улицах много раз с тех пор, как она стала соперницей в городе.

За два квартала она почувствовала запах крови. Это не вызвало крика голода, потому что она была сыта, а кровь не была свежей. Но с каждым шагом она чувствовала запах все отчетливее. Никто не потрудился побрызгать на тротуар. Рамона услышала жужжание мух еще до того, как свернула за угол и нырнула под полицейскую ленту. Этих двух мужчин не будут оплакивать. Кровавые следы свидетельствовали о беспечности и безразличии полиции. Она не планировала спасать девушку. На самом деле Рамона следовала на

расстоянии и, как ни странно, оказалась втянутой в охоту. Она молча преследовала и ждала подходящего момента для нападения. Неважно, что она не была голодна, что ей не нужно было питаться. Ее инстинкт охоты стал таким сильным — почти слишком сильным, чтобы его можно было отрицать. Прошлая ночь была самой близкой к тому, чтобы Рамона потеряла контроль над собой, но это был не первый раз, когда она наблюдала за Жавоном после наступления темноты или прислушивалась снаружи, пока девочка шутила или спорила с матерью.

Она действительно спорит, — вынуждена была признать Рамона.

На самом деле, в первый раз она заметила девушку в сумерках несколько недель назад, когда Жавон была вовлечена в небольшую ссору. Она стояла на углу недалеко от своего дома с несколькими друзьями и разговаривала с мальчиком примерно своего возраста. Рамона незаметно наблюдала за происходящим с крыши дома напротив. Мальчик дурачился, обнял Жавон, потом протянул руку чуть дальше и пощупал. Шлепок ее руки по его лицу расколол тихую ночь, как будто она была не в себе. Рамона рассмеялась и смотрела, как смущенный мальчик уползает прочь. Она все еще могла видеть огонь в глазах Жавона, грубый вызов.

До этой ночи Жавон была такой же, как и все миллионы людей в городе, но с того момента Рамона стала уделять ей пристальное внимание, возвращалась ночь за ночью. Сколько раз — десять, двадцать? Рамона могла только догадываться. Она приходила, желая увидеть вспышку бравады в глазах Жавон, услышать ее в голосе. Даже в часы сна постоянное вздымание и опадание ее груди казалось вызовом любому или чему угодно, кто мог бы ей противостоять. Она противостояла всему, что было в мире.

Разница была в том, что прошлой ночью Жавон узнал, что на самом деле там находится.

Рамона немного лучше, чем Жавон, представляла себе, что там происходит — в конце концов, она сама была частью этого мира, — но у нее тоже были вопросы, вопросы об инстинкте охотника, о жажде крови, которая полностью овладела ею, когда она следовала за Жавоном по темным переулкам. Именно в тот момент, когда она боролась с этими хищными побуждениями — охотиться, питаться, — другие хищники нанесли удар.

Жавон наткнулся прямо на ловушку, где они поджидали ее, и когда Рамона смотрела, как ее добычу забирают другие, волна ярости — не голода, а все той же ярости — захлестнула ее, и она набросилась на них. Ее клыки впились в шею того, у кого был нож — не просто в поисках крови, а разрывая плоть, оставляя зияющую рану. Потом второй.

Их кровь успокоила ее, утихомирила ее ярость, бешенство, которое было почти таким же сильным, как голод. Все это время Жавон лежала на земле и плакала. Рамона подняла истеричную девушку на руки и увидела, как ее некогда непокорное лицо исказилось от страха и отчаяния. Ее неуязвимость была разрушена, чтобы обнажить скрывающуюся под ней жертву. Рамона видела и понимала.

Рамона глубоко вдохнула кровь-аромат с тротуара. На мгновение ей показалось, что она видит двух мужчин, лежащих перед ней с пустым взглядом, но это было лишь ложное воспоминание о крови внутри нее, как фантомный зуд ампутированной конечности.

Во второй раз за этот вечер Рамона повернулась и побежала, почти не осознавая, что делает это. Ноги несли ее вперед длинными шагами, более мощными, чем она могла бы предположить.

Она повторила свой путь, пройденный накануне вечером, на этот раз без всякой нагрузки. Через несколько минут она

вприпрыжку и без особых усилий добралась до знакомой пожарной лестницы и вскарабкалась по ступенькам.

Рамона сидела на корточках у открытого окна. Ее глаза проследили за темнотой внутри, и взгляд упал на Жавон, спящую в своей постели. В воздухе висел тихий звук телевизора в другой комнате. Девушка спокойно отдыхала. И без того смуглая кожа ее лица была в синяках и отеках вокруг рта и глаз. Мокрое полотенце лежало на полу рядом с кроватью. Несмотря на жару и влажность, Жавон прижимала к шее простыню, словно тонкий хлопок мог защитить ее от беды.

Если хочешь быть в безопасности, оставайся ночью дома, — думала Рамона, но она, как никто другой, слишком хорошо знала, что реальной защиты нет.

Четверг, 8 июля 1999 г., 2:15 AM
Жилой дом в Гарлеме
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Глаза Жавон открылись, но были еще полны сна. Ей снова снилась девушка — примерно ровесница Жавон, может, чуть старше; худая, но мускулистая; гладкая кожа на несколько тонов светлее, чем у Жавон; короткие волосы, вьющиеся, грязные. И мог ли Жавон правильно вспомнить, что иногда у девушки на лице была кровь? Но не сегодня.

Мама еще не спала. Жавон слышала звук телевизора. Она сонно подумала, что если бы она не была так ранена и напугана, мама, наверное, избила бы ее до полусмерти за то, что она улизнула. А так они провели большую часть дня в больнице, а потом в полиции. Она начала переворачиваться, но ей было слишком больно. Лицо, шея, плечи, руки, грудь, таз, бедра — везде синяки.

Жавон плотнее натянула на себя простыню и прищурилась сквозь опухшие черные глаза. Все было так же, как и во сне, только лед в полотенце растаял. Она попыталась избавиться от тревожного ощущения, что за ней кто-то наблюдает. Комната была пуста. Пожарная лестница за окном была пуста. Жавон откинула голову назад и слушала успокаивающий звук телевизора по другую сторону стены, пока снова не заснула и не увидела во сне девушку.

Четверг, 15 июля 1999 г., 1:21 AM
Капелла Пяти районов
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Ощущение того, как латунное перо его ручки царапает бумагу, несколько ослабило напряжение Джонстона Фоли. Перо удовлетворительно скребло даже по такой современной зернистой бумаге. Хотя этот опыт значительно уступал тому, что он испытывал при использовании своих любимых ритуальных перьев и ручек на настоящем пергаменте — в этом нет никакого сравнения, — он все же давал успокаивающую привычку к дисциплине. На самом деле, список, в который Джонстон сейчас добавлял пункты, был чисто дисциплинарным упражнением, потому что ему не нужен был список. Его память была безошибочной. Тем не менее, с годами он стал созданием списков. Поначалу списки служили для него средством установления порядка в мире, где энтропия была слишком готова ворваться при малейшем ослаблении бдительности и заполнить пустоту. Даже после того, как его способности развились настолько, что списки как таковые стали необходимостью в его сложных и требовательных исследованиях, он продолжал и даже удвоил свои усилия по наведению порядка — того совершенного порядка, который является отражением истинно дисциплинированного ума и духа. И его непоколебимая настойчивость не осталась незамеченной начальством.

Джонстон сделал паузу при завершении очередной записи в своем списке — он снял перо с бумаги, чтобы чернила не собирались и не создавали несовершенный образ, — и поздравил себя с непоколебимостью цели. Это было небольшое тщеславие, признавал он, но потакание ему было сознательной поблажкой, которую он сделал, и этим самым осознал свою природу, он обезвредил этот недостаток, один из немногих, и переместил его в безобидную нишу своей упорядоченной психики.

Джонстон гордился своим вниманием к деталям и организованностью (в земной жизни он был добрым пресвитерианином), хотя и не в чрезмерной степени. Его письменный стол был чист, за исключением чернильницы и бумаги, которыми он пользовался, а весь его компактный кабинет, хоть и был до отказа забит книжными полками, мензурками, алхимическим оборудованием и тому подобным, тем не менее был явно не захламлен. Каждая книга, каждая склянка, каждый арканный свиток имели свое место, с которого их убирали только тогда, когда Джонстону требовалось их использовать, и на которое они тут же возвращались.

В дверь Джонстона раздался резкий стук.

— Войдите, — сказал он, позволяя неудовольствию легко заметить в его голосе. Стук должен был раздаться на десять минут раньше.

Жаклин, ученица Терция из клана Тремер, сдержанно вошла в небольшую комнату. Она была зрелой женщиной, бывшим академиком, чьи черты лица постоянно выдавали мучения человека, привыкшего в своей земной жизни авторитетно разговаривать с учениками, но теперь выполнявшего приказы практически каждого члена клана вампиров, выбравшего ее. Такое резкое расхождение явно не понравилось ей. Однако ее довольство или его отсутствие не волновало Джонстона.

— Вы опоздали, — отрывисто сказал он.

— Я помогала Аарону с заданием, — ответила она, опустив глаза.

— Я просил объяснений?

— Нет.

Джонстон сузил глаза.

— И именно так вы обращаетесь к своему начальнику?

Жаклин напряглась, осознав свое нарушение этикета.

— Нет, регент Секундус.

Джонстон сделал паузу, положил перо на чернильницу и дал ей время обдумать свою ошибку. Она выглядела достаточно раскаявшейся, хотя подмастерье Инициата Третьего Круга должна была быть выше подобных нарушений приличий. Это была сложная ситуация, когда возможности ученицы превышали ее представления о своем положении — ведь Жаклин неопровержимо доказала свой безграничный потенциал, — но Тремере не могли допустить прорехи в дисциплинарной броне, которая позволила клану просуществовать так долго, несмотря на все усилия бесчисленных врагов. Джонстон сделал мысленную пометку выпороть ее позже, а если проблема не исчезнет, посоветовать регенту Квинту Старбриджу уволить Жаклин.

— Я не потерплю фамильярности в подчиненных, — сказал он наконец, затем снова сделал многозначительную паузу.

— Да, регент Секундус.

Когда Джонстон убедился, что она испытала достаточное количество душевных страданий, он передал ей лист бумаги со своего стола.

— Вот список материалов, которые мне нужны для определенного ритуала на следующей неделе, — сказал он. — Проследите, чтобы они были собраны в моей лаборатории к рассвету 22-го числа.

Жаклин изучала список. Через мгновение Джонстон протянул руку, и, поняв его смысл, она неохотно вернула ему бумагу.

— Это все.

Джонстон наблюдал, как она вышла из комнаты. Его порадовал краткий отблеск тревоги, который он увидел в ее глазах, когда она передавала список. Он дал ей достаточно времени, чтобы запомнить все пункты. Если она не смогла этого сделать, то это была ее ошибка, и она будет нести ответственность. Конечно, Джонстон не собирался позволить ее потенциальной некомпетентности помешать предстоящему ритуалу — рассвет 22-го числа даст ему более чем достаточно времени, чтобы проверить ее работу и внести необходимые коррективы. Джонстона не покидало осознание того, что в конечном итоге он будет нести ответственность за промахи подчиненных.

Он поднялся со списком в руке и направился в свою лабораторию — смежную комнату, которая также была довольно тесной: столы, полки, несколько весов для различных типов материалов, еще больше книг и множество другой плотно упакованной атрибутики. Сжатая природа его комнат — включая его святилище, которое было не более чем чуланом — вызывала у Джонстона некоторое раздражение. Он понимал, что его жилище не является чем-то обидным для него самого, но все равно это раздражало. Такова была жизнь в Кантри Пяти районов. В Нью-Йорке шла такая ожесточенная борьба между Камарильей и Шабашом, что энергия каждого присутствующего Тремера уходила на оборону, и мало времени оставалось на расширение или материальный комфорт. Так было на протяжении многих лет.

Джонстон полагал, что ему следует оставить вопрос о своих покоях без внимания. В конце концов, его назначение в канцелярию не было несущественным. Именно беспорядки привели к тому, что он оказался здесь. Неважно, что он будет руководить любой другой церковью, куда его могут назначить. Пятибородый был одним из немногих кланов, в котором было два регента: он сам, как младший регент, и его начальница, Эйслинг Стербридж. Это не было нормальной политикой клана, но с учетом неизбежного присутствия Шабашов это была не нормальная Капелла. В конце концов, Старбридж была

младшим регентом еще до того, ее начальник был застигнут врасплох Шабашом за пределами обороны Капеллы. Эшлинг унаследовала руководство капеллой. Не исключено, что такая же удача и заслуженное повышение по службе выпадут на долю Джонстона.

Поэтому он с некоторым, если не с полным успехом, попытался засунуть свое недовольство в соответствующую нишу на задворках сознания. Вероятно, покои Старбридж были не более просторными, чем его собственные, хотя его никогда не приглашали в ее покои. Другим аспектом проблемы площади было давление населения. Из-за опасности Шабаша за пределами Капеллы и особенно за границами Манхэттена в помещениях проживало больше подмастерьев, чем обычно. Это заставляло работать и существовать в более тесных помещениях, чем Джонстон предпочитал для таких неофитов, как Жаклин, Аарон и другие.

Капелла, запрятанная под Камарильским фраком города, компенсировала в стратегическом плане то, чего ей не хватало по площади.

— Между колледжем Барнарда и рекой Гарлем так много места-, — сказала ему Старбридж в тот единственный раз, когда он осмелился упомянуть ей о своих тесных помещениях. Ее резкое отклонение его замечания отбило у него охоту спрашивать, почему кладовая не расширяется в других направлениях. В своей лаборатории Джонстон обратился к скромному деревянному сундучку — не больше шкатулки для драгоценностей — в котором хранился предмет ритуала, подготовку к которому он поручил Жаклин. Единственное украшение на ларце — перламутровая инкрустация в виде флер-де-лиса на внешней стороне крышки — тускло светилось. Джонстон провел рукой над украшением и почувствовал легкое тепло, который он излучал.

Хорошо, — подумал он. — Он все еще активен.

Опытной, твердой рукой он открыл крышку ларца и посмотрел на содержимое, которое так занимало его в последнее время. Внутри шкатулки на войлочной подкладке лежал полудрагоценный камень размером не больше мрамора. Это был тонко отполированный кварц глубокого мутно-красного цвета, за исключением двух черных кругов на противоположных сторонах. Джонстон считал эти черные точки полюсами, как на глобусе. Черная поверхность сверху, северный полюс, как ему показалось, была гладкой и безупречной. Красная поверхность вокруг и по бокам была испещрена бороздками в виде идеально нисходящей спирали. Черный южный полюс, в отличие от остальной части камня, был слегка зазубрен, приподнятые участки не создавали никакого особого рисунка, который Джонстон мог бы различить. Он не ожидал, что этот камень окажется таким интригующим.

Несколько лет назад Старбридж подарил драгоценный камень Джонстону, рассчитывая, что тот проведет над ним эксперименты, но камень не был признан высоко— или даже среднеприоритетным. Он излучал некую магическую ауру, но, впрочем, как и огромное количество безделушек и поддельных артефактов, которые попадали в кабинеты клана Тремере. Джонстон провел несколько предварительных экспериментов, но безрезультатно, и с благословения Старбриджа отложил драгоценный камень в сторону. С тех пор он вспоминал о нем редко, и то в основном в уничижительных выражениях — полудрагоценный камень, занимающий драгоценное место на полке.

Все изменилось три недели назад.

Наказав одного из учеников, Джонстон вошел в свою лабораторию и обнаружил не только сломанную печать, которую он наложил на сундук в качестве меры предосторожности, но и открытую крышку. Драгоценный камень практически кипел сверхъестественной энергией — удивительной энергией! Джонстон и представить себе не мог,

что в этом камне заключен такой потенциал. Когда же он справился с удивлением и принялся исследовать камень, тот снова стал бездействовать. Конечно, остаточные энергии были, но ничто по сравнению с тем, что он ощущал несколько минут назад. Так что он был вынужден перейти в режим бдительного ожидания. Он проверял драгоценный камень по нескольку раз за ночь, после каждой проверки снова запечатывая его в сундук. В течение нескольких недель ничего не менялось, только остаточные энергии становились все слабее. Но прошлой ночью жемчужина внезапно ожила, и сегодня, как показал светящийся перламутр, она по-прежнему пылала силой. Невооруженным глазом ничего не было видно, но Джонстону казалось, что он вполне ощущает запах энергии.

Он взял список, который показывал Жаклин, положил его в мангал на рабочем столе и чиркнул спичкой по бумаге. Края бумаги скрутились и почернели. Джонстон больше не нуждался в списке; он забрал его у Жаклин просто из принципа. Прежде чем бумага полностью сгорела, он взял с ближайшей полки длинную фиолетовую свечу и поднес фитиль к огню. Как только свеча догорела, Джонстон снова повернулся к сундуку и начал произносить заклинание. Медленно он провел пальцами левой руки по пламени свечи. Оно не обожгло его, и он не почувствовал ни малейшего дискомфорта.

Приготовив свечу, он начал медленно и неуклонно подносить ее к сундуку. Когда свеча была еще в футе от драгоценного камня, пламя замерцало и погасло, как будто его задул внезапный порыв ветра. Но ветра не было, не было даже малейшего дуновения.

Джонстон повторил небольшой ритуал, и снова невидимая сила погасила свечу на том же расстоянии от сундука. Он кивнул с недоуменным удовлетворением.

На дюйм и три четверти дальше, чем прошлой ночью, подумал он. Она становится еще сильнее! Если она продолжит увеличивать потенцию такими темпами, ему придется

перенести ритуал на несколько ночей — и не отвлечет ли это Жаклин?

Но это было то решение, которое он не должен был принимать до возвращения Старбридж в канцелярию. Она была отозвана для участия в заседании совета в Балтиморе — что-то связанное с недавними неприятностями Шабаша на юге. Как будто у Капеллы Пяти Районов не хватало собственных трудностей без того, чтобы вся Камарилья пришла просить о помощи. Кроме того, другие кланы снова ополчились бы на Тремере только после того, как неприятности миновали.

Джонстон поставил свечу на место и закрыл сундук. Он продолжал наблюдать за драгоценным камнем. Это был тот самый прорыв, который мог привести к тому, что его начальство в клане предоставит ему собственную кладовую. В которой у него будет достаточно рабочего пространства.

Четверг, 15 Июль 1999, 11:44 PM
Подземный грот

Постоянное мерцание лампочки настольной лампы создавало эффект стробоскопа над крошечным оазисом света. Сидящая фигура барабанила когтистыми пальцами, затем наконец подняла руку, чтобы ударить непокорную лампу. Постоянное, если не яркое, освещение сменилось мерцанием перед самым ударом. Рука медленно опустилась.

Фигура повернулась к старой ручной пишущей машинке, над которой она сгорбилась, и нетерпеливо вырвала бумагу из машинки. Не успело стихнуть жужжание пишущего колеса, как красное перо быстро и неторопливо нацарапало на странице.

15 июля 1999 года
Re: Око Хазимеля
Атланта — среди погибших в результате рейда [1] подтвержден курьер Хеши; Рольф сообщает — никаких следов Ока в городе. Попал ли он в руки Шабаша? Нет, согласно информации через домашнего убийцу/питомца Викоса.

Где гребанное Око?

[1] *Ад "рейда": Атланта, Саванна, Колумбайн, Чарльстон, Рэйли, Вилмингтон, Норфолк, Ричмонд, О.К. ...*
Запись: Обновить файл действий: Питерзун, Ян, прибыл в Балтимор этой ночью.

Пятница, 16 Июль 1999, 11:03 PM
Пьемонт Авеню
Атланта, Джорджия

— Не шевелись, моя дорогая. Будь ты проклята, сука!

Даже с помощью вновь обретенного зрения муза то появлялась, то исчезала из поля зрения Леопольда. Он закрыл правый глаз рукой и с большим трепетом устремил свой взгляд вслед за ней.

Поначалу он вертелся, пытаясь следовать за ней, но быстро обнаружил, что мир, пришедший в движение, не скоро захочет остановиться. Его студия перечисляла, как пьяный собутыльник. Вверх и вниз, влево и вправо, другие и сами по себе — такие различия размывались вместе со зрением. Вначале слишком сильно. Тупая чернота захватила его, и он ударился головой о бетонный пол.

Теперь он двигался осторожнее, но все равно пульсации движения, Зрения и не-Зрения, размытые по краям, сбегались вместе. Или это муза снова дразнила его? -Подойди туда, где я смогу тебя увидеть, дорогая. Но она игнорировала его самые добрые уговоры. Сука! Шлюха!

Она дразнила его. Поймай меня, Леопольд.

Студия сдвинулась. Леопольд споткнулся и упал на стол, мольберт? Она прогнулась под ним, и он рухнул на пол. Ее нога прошла в нескольких сантиметрах от его лица. Ее стройная, обнаженная лодыжка промелькнула перед ним как озарение. В глубине его сознания что-то еще требовало внимания — палец, согнутый и раздвоенный при падении, кость напряглась и треснула. Он отмахнулся от далекой боли, когда перед ним расцвели образы музы — острый угол ее лодыжки, манящий изгиб ее икры.

Она снова исчезла, но ее соблазнительный смех эхом разносился по всей студии, перерастая из звона крошечных колокольчиков в грохот литавр и цимбал. Мир содрогнулся. Он покатил Леопольда по полу — или теперь это был потолок? И все же он полз вперед, держа перед собой видение. Его ум художника зациклился на деталях, которые он должен был изобразить. Хотя муза оказалась неуловимой, от Зрения нельзя было отказаться.

Все изменилось для Леопольда в ночь вечеринки Виктории. Неужели прошло всего три с половиной недели? Иногда казалось, что с каждой минутой проходит целая жизнь, так много он успел сделать. Так много ему было открыто. Никогда больше Виктория или любой другой высокопоставленный Тореадор, столь самодовольный в своих мелких оценках, не смеялись над Леопольдом, потому что ему была открыта великая истина, и она все еще открывалась ему.

С того самого момента, как он увидел это видение красоты, человеческую форму, лишенную предвзятых ограничений самосознания, и уставился на нее с высоты, Око Леопольда знало, что он должен воспроизвести этот эффект. Истина, присущая его открытию, станет очевидной для всех. Никто не сможет отрицать его мастерство, безграничность его видения. Поэтому он протянул руку вниз и взял сферу, ибо она была сердцем его видения.

И момент ясности угас.

Исчезла долгожданная красота. Леопольд с Оком на раскрытой ладони стоял над грудой разорванной плоти и сломанных костей — искореженным телом Вегеля.

В панике он вернул Око на место, но шар затмил все вокруг, словно солнце, появился в ночном небе. Образ, который побудил его к действию, больше не появлялся.

Но неважно.

Леопольд обладал душой художника, и именно в ней он носил видение. Как только оно коснулось его, он уже не мог забыть. Он снова схватил Око и оставил позади преходящую массу, которая так недолго была частью эфемерной красоты.

Почти сразу же Леопольд начал оценивать, как видение изменило его. Вернувшись в свою студию, он обнаружил, что его окружает множество работ, сделанных им в прежних, непросветленных, художественных начинаниях. Находиться в одной комнате с работами, которые когда-то вызывали в нем такую гордость, было больно. Он ясно видел неудачу каждой работы.

Неудивительно, что Виктория и другие насмехались над его притязаниями.

Виктория. Ее имя всколыхнуло его память. Он хотел кое-что выяснить... навестить ведьму из Тре-мира. Но это была забота прошлого. Так же, как и жалкие попытки скульптуры, представленные на его обозрение, были прежними, и он не мог с ними мириться.

Гипсовые формы он разбивал вдребезги. Модели он сметал в ящик, который затем прятал под верстаком. Таким образом, период просвещения Леопольда начался с разрушения того, что было раньше.

Стол, очищенный от беспорядка, стал деревянным постаментом для Ока. Он положил его туда с любовью и благоговением. Даже положив его на стол, он все еще чувствовал его влажное прикосновение там, где он наполнял его ладонь. Положив его на стол, веко с сильными прожилками медленно приоткрылось, а затем отступило почти на половину, пульсирующую сферу, пока защитная плоть не стала лишь крошечным основанием под Глазом. Леопольд восхищенно смотрел на это.

В течение нескольких недель он работал под ее немигающим взглядом. Неделями красота, которую он видел, которую считал очевидной, не проявлялась в плодах его труда. Око бесстрастно наблюдало за тем, как Леопольд смущался из-за своей неудовлетворительной первой модели. Глаз наблюдал, как он отложил вторую попытку на полпути, как он разбил в разочаровании третью, и четвертую, и пятую.

Проходили ночи. Все чаще и чаще он впадал в ярость, когда отчаяние овладевало им. Глазами своими, в душе своей, он видел видение. Истина и красота были открыты ему. Но снова и снова его руки подводили его. Неужели ему не хватало мастерства, чтобы воплотить увиденное? Неужели он просто вообразил, что талант находится в сухожилиях его пальцев?

Лишь однажды за это время Леопольд потерпел неудачу в своих поисках. Виктория. Ее имя пришло к нему без предупреждения в ту вторую ночь после его чудесного открытия. Он двинулся к лестнице своей подвальной студии. Он должен был пойти к ней. Возможно, он ей нужен. Но тут его взгляд, как это неизбежно случалось в эти ночи, упал на сферу его страсти, и только вид Глаза, терпеливо ожидающего среди бурлящих и шипящих секретов, привел его в чувство. Виктория была не более, чем любой другой из непросвещенных. Зачем ему прерывать свои труды ради такой, как она?

И тогда муза заговорила с ним. Доверься, сказала она, ее чувственный голос массировал мышцы и сухожилия, которые подвели его. Доверие.

Все мысли, кроме мыслей о его искусстве, были изгнаны из головы Леопольда.

Доверие.

Он отложил в сторону свои точные инструменты и глину для лепки. Лишенный процесса и режима, он, как голый ребенок, подошел к мраморной глыбе. Он приставил резец к камню и

потянулся к своей душе, чтобы найти угол и давление, которые высвободили бы то совершенство, свидетелем которого он был, и которое, как он знал, также находилось в камне. Каждый удар молотка отсекал мрамор от завесы, скрывавшей истину. Он найдет ее и покажет миру.

И его величие будет раскрыто. Все это время Око наблюдало.

Ночь за ночью Леопольд работал. Он вставал на закате и сразу же приступал к своему искусству, не беспокоясь о том, чтобы поесть или отвлечься. Ви— сион был его пищей; задача, стоявшая перед ним, была его единственным делом. По мере того как камень отваливался все дальше, начала вырисовываться форма, но Леопольд не позволял себе роскоши отойти и посмотреть на картину в целом. Он не позволял себе ни малейшей передышки или вознаграждения, пока его видение не было завершено. Над мельчайшими деталями он трудился час за часом. Сверху донизу, с головы до ног, картина начала обретать форму. Леопольд неустанно отсекал каждую крупинку мрамора, которая ему не принадлежала, пока, наконец, не закончил работу.

Леопольд отложил резец. Он смотрел на Глаз, осязаемый памятник самой совершенной из форм, а затем взглянул на свое собственное достижение. Пустота в животе схватила его словно смертельной хваткой, ибо он понял, что его работа была грубой насмешкой над красотой, которую он представлял себе. Ни малейшего намека на истину он не мог найти в изгибе ее конечностей, и неслабый след совершенства. Его ребенок был мертворожденным. Деформированная, уродливая мерзость.

Именно тогда он впервые услышал смех музы — жуткий, издевательский смех. Она не признала затраты воли, огромные усилия, которые он приложил к работе. Она признала только неудачу. Ее смех наполнил сердце Леопольда как кислота, потому что он не мог защитить недостатки своего неудавшегося произведения. С мучительным криком он взял свой самый большой молоток и принялся за работу. В течение часа труд

многих недель превратился в руины, но даже руины оскорбляли Леопольда, насмехались над его болью. Он продолжал работать молотком, разбивая каждый кусочек мрамора, каким бы маленьким он ни был, пока в конце концов не остался только мелкий порошок. Но его неудача не была исчерпана, и смех музы насмехался над ним. Леопольд увидел, что Виктория тоже смеется над ним. Она стояла перед ним в роскошном вечернем платье, усыпанном драгоценностями, и его неудача была ее развлечением. Он решил доказать ей свою значимость, и боялся, что его неудача привела именно к этому. Он решил стереть усмешку с ее губ. Он взял долото, положил его на расщелину ее груди и с яростным и вызывающим криком взмахнул молотком. Но ее уже не было, и он просто упал на пол, рыдая.

И все это время Глаз наблюдал за происходящим из центра кипящего бассейна соков.

И снова муза заговорила с ним. Леопольд следил за каждым ее словом. Он не мог осуждать ее за то, что она отвергла его шедевр, потому что она была права. Он потерпел серьезную неудачу.

В чем суть жизни? Красоты? спросила она. Ее вопрос улетел в самый высокий, самый отдаленный угол студии.

Суть жизни. Суть красоты.

Она сказала ему доверять, и он доверился.

Но этого было недостаточно.

Суть жизни. Суть красоты.

В течение нескольких часов Леопольд лежал на полу в серьезном раздумье. Тонкая пыль измельченного мрамора оседала на нем, пока он не стал похож на одно из своих

собственных творений. Когда взошло солнце, и он скрылся в подвале, слова музы зазвучали в его ушах.

Суть жизни. Суть красоты.

День, ночь и день он лежал, размышляя. Когда он снова поднялся, то бережно завернул Глаз в чистую ткань и собрал необходимые резцы и инструменты. Вооружившись, он вышел из мастерской.

Леопольд практически забыл о горизонте Атланты, о богемной суете Литтл Файв Пойнтс, к которой он, естественно, тяготел. Однако внешний мир он заметил лишь мельком. Грубые клубы и секс-шопы, панки и хиппи, немытые бродяги, старые и молодые — он видел все это раньше, и хотя в прошлом эта сцена вызывала в нем авангардные импульсы, теперь он был поглощен жизнью ума и духа.

Суть жизни. Суть красоты.

Леопольд не обращал внимания на людской гул, двигаясь по Морленд-авеню. Он свернул с этой улицы, прошел мимо многоквартирного дома, за полуразрушенным викторианским домом и проложил себе путь через глубокий лесной массив. Ночь за ночью он возвращался к найденному им толстому дубу. Ночь за ночью он осторожно разворачивал ткань и клал Глаз на землю, чтобы он мог наблюдать за ним, чтобы он мог наблюдать за ним. Леопольд потерял счет тому, как сколько закатов привели его к дубу — за неделю, за две недели?

Наконец он закончил, и взглянул на свою работу — провал, такой же полный и абсолютный, как и все предыдущие.

Смех музы раздавался по всей роще деревьев. Каждый лист танцевал под тяжестью ее презрительного смеха. Смутная человеческая фигура, вырезанная в стволе дуба, казалось, тоже смеялась над Леопольдом. Он положил руки на ее лицо и глубоко вонзил пальцы в дерево, которое рассыпалось от его

прикосновения. Щепки пронзили его плоть, вонзились под ногти, но Леопольд не знал пощады ни для себя, ни для древесной фигуры. Он рвал, царапал, кромсал, пока смех не утих.

Внезапно одолела усталость — сколько же ночей прошло с тех пор, как он питался, — Леопольд упал на землю. Его самые доблестные усилия оказались напрасными. Он закрыл лицо руками, покрытыми соком. Когда он лежал и оплакивал свои непрекращающиеся неудачи, его взгляд упал на Око, и так же точно, как Савл был ослеплен на дороге в Дамаск, чтобы стать Павлом и по-настоящему прозреть, Леопольд прозрел. Твердо уверенный в том, что все его существование, как стада, так и сородича, было потрачено на подготовку к этому моменту, он протянул руку.

В течение трех ночей после этого озарения следовали одно за другим. Не проходило и двух-трех часов, чтобы Леопольд не увидел музу. Она вела его к вечному, к неоспоримой эстетике, и с его вновь обретенным видением он следовал за ней. Леопольд подполз к своему текущему проекту, но студия вращалась вверх, как обезумевший гироскоп. Он отшатнулся в сторону, схватился за ножку стола, но она оказалась ближе, чем он предполагал, и он врезался в нее лицом. Парализующий страх пронзил его насквозь.

На мгновение он перестал думать о том, что мельком видел лодыжку музы и хорошо очерченный изгиб, который вел вверх к мясистому бедру. Леопольд плотно закрыл глаза, его левое веко натянулось, не в силах полностью защитить своего нового подопечного. Дрожащими от волнения пальцами он на ощупь осмотрел свое лицо и с облегчением вздохнул, не обнаружив никаких повреждений. Он не так сильно ударился о стол. Око было в безопасности. Зрение по-прежнему принадлежало ему.

Леопольд снова повернулся к своему проекту. Позади него раздавалось хихиканье музы, но он не повернулся. Он не хотел отвлекаться, пока не выполнит нужный штрих, пока не будет

верен своему видению. Тогда он будет свободен и сможет преследовать музу дальше.

Он полз по студенистому ихору, который просачивался из Глаза и капал на пол перед ним. Наконец, ноги приблизились. Леопольд не стал смотреть на полную фигуру, на юношу, привязанного обнаженным к столбу, на его поднятые руки, распухшие и посиневшие от веревки. Скульптор был слишком сосредоточен на том, что должно последовать за этим. Он вслепую протянул руку, не отрывая взгляда от лодыжки, находившейся всего в нескольких дюймах от его лица, и потянул к себе зубило и молоток, которые никогда не были далеко.

В душе Леопольда запечатлелся каждый взгляд на музу — совершенство линий и форм, к которым он навсегда остался бы слеп, если бы не Зрение.

Он поднял резец к верхнему изгибу кости и нежным движением, несмотря на то, что это не было его средством обучения и опыта, он отсекал то, что не соответствовало его видению. Его не пугало скольжение плоти по кости. Каждый удар молотка был воплощением точности, давление его хватки на резец было непоколебимым. Он работал с усердием мастера-скульптора, побуждаемого к еще большим высотам неотразимой силой и красотой своего видения.

Из пореза потекла тоненькая струйка застоявшейся крови. Хотя Леопольд пировал в первую ночь своего превращения, почти из каждого пореза удавалось извлечь крошечный запас крови, скрытый в тканях. Он погладил рану, поднес пальцы к губам, попробовал на вкус зернистую смесь мраморной пыли и крови.

Как живуч человеческий организм, подумал Леопольд, как полон потенциал.

И тут он заметил тяжелую тишину, окутавшую студию. Воздух не шевелился, снаружи не доносилось ни звука, и, что самое примечательное, не было слышно смеха музы.

Получилось ли у меня? — с надеждой спросил Леопольд, глядя на свою работу, хотя он не чувствовал, что ее можно закончить. Конечно, он узнает об этом, когда наступит знаменательный момент.

Медленно, чтобы не нарушить равновесие предзакатного мира, он повернулся от обнаженной резной формы. Он прищурился, закрыв правый глаз, чтобы устранить наложение перспектив Зрения и Не-Зрения. Стены студии стали тусклыми, бледными, как будто это были полуготовые декорации на минималистской сцене. Колонны приобрели полупрозрачный блеск. Куда бы Леопольд ни посмотрел, периферия его зрения представляла собой танцующий вихрь цветов, рой разноцветной саранчи. Он продолжал осторожно поворачиваться, и его сдержанность была вознаграждена.

На долю секунды она предстала перед ним во всей своей красе, но, хотя теперь он мог видеть ее с помощью Глаза, ее невыразимый облик был за пределами его способности постичь. Око видело, но Зрение не могло сопоставить. И снова мир изменился. Леопольд упал на колени. Студия мерцала и плыла перед ним.

Но он видел недовольство на ее лице. Разочарование.

— Такой хрупкий, — сказала она, осторожно покачивая головой.

Леопольд, его реальность дико извивалась, вернулся к своей работе. Резная обнаженная фигура свисала как бы с потолка, но руки были связаны под ней. От толчка Леопольд упал на локти, и студия немного выпрямилась, хотя ее опора продолжала колебаться, как игла весов, качающаяся от

тяжелого к легкому и тяжелому, все дальше и дальше, и лишь медленно приближаясь к истинному весу.

Обнаженный человек висел безжизненно, его поза была жесткой, в то же время конечности хромали. То тут, то там были вырваны куски плоти и костей — лоб, плечо, живот, бедро, колени, лодыжка. Только теперь Леопольд заметил мух, собравшихся вокруг сладковатого запаха трупа.

Такой хрупкий.

Леопольд отбросил от себя молоток. Он улетел вдаль, на мили и мили в другой конец студии.

Лживая шлюха!

Он хотел накричать на нее.

Но снова и неизбежно она оказывалась права. Он больше не мог смотреть на свою глупость. Со злобным ревом Леопольд вонзил долото в тело. Ребра затрещали, когда он вогнал инструмент в грудную полость. Обнаженный человек отпрянул со всей силой, как мешок муки. Не возражала она и против того, чтобы Леопольд плакал на ее избитых и окровавленных ногах.

— Почему? — кричал он. Столько работы, и все без толку. Леопольд старался передать то совершенство, которое он воспринимал, но снова потерпел неудачу. Он сойдет с ума от неудачи. Он должен добиться успеха.

Подальше отсюда, — поддразнила она, ее игривый характер быстро вернулся. Подальше отсюда.

Прочь? Ее слова зацепили Леопольда. Он медленно обвел студию своим гибридным взглядом.

Подальше отсюда. Подальше от этого места, — его мысли повторяли ее слова.

Твердый бетон, простая деревянная отделка — они были непримечательны для его Зрения, почти несущественны. Как он мог надеяться выразить истину в таком унылом окружении? Его настроение поднялось от намека на то, что неудача не полностью зависела от его способностей. Конечно, он должен был преуспеть. Иначе почему муза выбрала именно его?

Терпение, укорял он себя. Терпение. Но он так сильно этого хотел!

— Мммм, — мурлыкала она, прижимаясь к нему. Она глубоко вдыхала его уверенность. Инструменты, Леопольд... Я отведу тебя к ним.

Да, инструменты. Молоток в каком-то темном, дальнем углу, зубило, воткнутое в мерзость — это были примитивные инструменты его неудач, и, как эта студия, этот город, они были загрязнены его вчерашними непросвещенными руками.

Я отведу тебя к ним.

К соответствующим инструментам. К месту просветления. Она доверит ему реликвии совершенства, и он будет использовать их в святилище, чтобы красота. Она была его музой, его богиней, и с помощью Ока он познавал ее тайны и становился верховным жрецом скрытой истины. Непросвещенные массы будут умолять пить из его рук.

Приходи.

— Да, дорогая.

Мир тошнотворно кружился с каждым его шагом, но Леопольд все равно шел следом.

Суббота, 17 июля 1999 года, 3:00
Мост Джорджа Вашингтона
Нью-Йорк, Нью-Йорк

На глубине более ста футов под Рамоной протекала река, но движение было трудно уловить, разве что в рассеянных пятнах света. Там поверхность воды мерцала и, казалось, быстро перемещалась сквозь свет от одного черного небытия к другому черному небытию. Это было ночное лицо реки — единственное лицо, которое Рамона когда-либо увидит. Она цеплялась за нижнюю часть моста Джорджа Вашингтона, перебираясь с одной балки на другую. Над ней каждые несколько мгновений проносились машины.

Она могла бы стать троллем под мостом, подумала она, и получить гораздо больше выгоды, чем три раздражительных козла. Охота, решила она, подчиняется тем же трем золотым правилам, что и торговля недвижимостью, которые так часто повторял ее дядя-шакстер Кенни: место, место и место. Благодаря Рамоне, Кенни больше не продавал много недвижимости.

Рамона остановилась на переходе и откинула голову назад, чтобы посмотреть на реку внизу. Ночью она действительно выглядела как широкая асфальтированная улица. Возможно, именно это заставляло многих прыгунов задуматься, когда они перешагивали через перила и видели, куда им предстоит отправиться. Прыжок в реку звучал не так уж плохо, если говорить о самоубийстве. Это было почти как снова стать ребенком и пойти купаться, прыгнуть в пруд или бассейн. Но когда прыгун встал на край и увидел то, что, с учетом силы удара, могло бы оказаться твердым асфальтом…

Одна за другой, Рамона оторвала ноги от балки. Нижняя половина ее тела покатилась вниз и повисла под мостом. Она не была ни крупной, ни тяжелой и едва ощущала дополнительный вес, который несли ее руки.

Что будет со мной? — задавалась она вопросом. — Что будет с этой штукой, которая раньше была моим телом?

Некоторое время она считала себя непобедимой после того, как стала тем, кем была сейчас, но когда она и другие путешествовали на восток через всю страну, на них напал этот... монстр, не имеющий лучшего названия, — огромное пятно зубов, когтей и смерти. То, что случилось с Эдди, доказало, что люди Рамоны не были непобедимы. Далеко не так. Когда ей казалось, что она все поняла, всегда появлялось что-то новое, чтобы сбить ее с толку.

Она отпустила мост правой рукой и позволила этой руке свободно болтаться на боку.

Что бы со мной случилось?

Станет ли этот внезапный удар концом? Вылезет ли она из воды с переломанным телом, но нуждающаяся в дополнительной крови, чтобы стать как новенькая?

Держась за одну руку, Рамона смотрела вниз на пятна пляшущего света, которые рассекали черную гладь реки. Ее мир превратился в эту черную реку, а она была крошечным пятнышком знакомого, окруженным тьмой и неизвестностью.

Она не просила об этом. Какой бы несовершенной ни была ее прежняя жизнь, она бы выбрала свой путь. Она никогда бы не выбрала этот мир, где многое было обманчиво знакомо, но стоило потрогать поверхность, и все становилось прежним.

Она подняла с моста один палец левой руки, затем второй. Она подняла третий палец, большой палец. Один палец

удерживал ее в воздухе. Этого было более чем достаточно. Сила ее тела, этой совокупности мышц, костей и сухожилий, которую она знала раньше, постоянно поражала ее. Она почувствовала, как коготь — там, где раньше был ноготь, — впился в стальную балку.

Что бы со мной случилось?

Что, задавалась она вопросом, уже произошло ней?

Неохотно Рамона подняла правую руку и снова ухватилась за мост. Подобно пятнам света на реке, она была не одна, и хотя все обязанности, которые она на себя брала, были ее собственного изготовления, они помогали ей, подобно воде под мостом, двигаться вперед.

С необыкновенной легкостью она подняла ноги на балку и продолжила ползти по ней по-командирски. Ближе к берегу она опустилась на берег, на двадцать, может быть, тридцать футов ниже. Она приземлилась на четвереньки, по-кошачьи приседая. Карабкаясь вверх по склону, она остановилась, чтобы натянуть ботинок. Старый кроссовок был на ощупь странным, как будто боковая часть оттопырилась, но, похоже, никаких повреждений не было. Возможно, падение с моста порвало стельку или что-то еще. Рамона перепрыгнула через гребень берега и постучала по ноге, чтобы выпрямиться, что бы ни случилось.

— Привет, сладкие пирожки. Отличная акробатика.

Рамона присела в защитной стойке. Парень, стоявший перед ней, сидел на своем мотоцикле беззаботно, руки сцеплены за головой, ноги опираются на руль. Он усмехался одними губами и явно наслаждался тем, что удивил ее.

— Хорошая ночь для лебединого прыжка? — Он начал свистеть с высоким тоном, звук падающей на землю бомбы, и закончил имитацией всплеска.

Рамона настороженно смотрела на него. Очень немногим удавалось подкатить к ней, а те, кто это делал, скорее всего, означали неприятности. Его короткие волосы и резкие брови были очень темными, что составляло разительный контраст с его невероятно бледной кожей. Синие вены проступали на бицепсах, предплечьях и шее.

— Как я? — удивилась Рамона.

Раньше она была более смуглой… до изменения, и с тех пор значительно побледнела. Но ничего подобного этому парню. Его кожа, казалось, обнимала каждый мускул и проваливалась, заполняя все пустоты. Его узкие черты лица напомнили Рамоне то, что она замечала, когда смотрелась в зеркало.

— Итак… — Он вытянул это слово, и его кривая улыбка исчезла.

Рамона даже не успела отреагировать на его движение, как он уже стоял перед ней. От полулежачего положения на мотоцикле до полностью вертикального ему потребовалась всего секунда.

По крайней мере, его демонстрация в основном подтвердила подозрения Рамоны. Он должен был быть таким же, как она. Или еще хуже.

— Ты готова играть с большими мальчиками? — спросил он. Рамона удивила себя глубоким, угрожающим рыком, который вырвался у нее изнутри. Мотоциклист почти незаметно отступил назад, но тут же попытался отмахнуться от нее.

— Кто ты, черт возьми, такой? — потребовала Рамона.

— Вопрос в том, — сказал он, — кто ты, черт возьми, такая, и какого черта, по-твоему, ты здесь делаешь? В последний раз, когда я проверял, это была территория Шабаша, а ты не член клуба.

Шабаш.

Это название Рамона слышала изредка в течение последних двух лет, в основном до того, как она и остальные покинули Лос-Анджелес, но что это было? Какая-то банда, но на Западном и Восточном побережье?

Она держалась на месте и следила за любым движением мотоциклиста. Рамона имела представление о своих возможностях, но кто мог сказать, был ли этот парень так же быстр и силен, или быстрее и сильнее?

— Не очень-то ты разговорчивая, да, сладенькая? — сказал он и начал потихоньку возвращаться к своему мотоциклу. — Вот что я тебе скажу. Раз уж я такой хороший парень... — он закинул одну ногу на мотоцикл и повернул ключ зажигания, — я дам тебе шанс. Я вернусь. Будь готова пойти со мной. Иначе, бей мясо сейчас же.

Он завел мотоцикл, завел двигатель до продолжительного, оглушительного рева, а затем, ехидно подмигнув, с визгом умчался по улице и через мост.

Рамона расслабилась, но не сильно.

Шабаш.

Она и другие покинули Лос-Анджелес, потому что там было так много подобных им существ, бродящих по ночам по улицам. Окажется ли Нью-Йорк таким же?

Города там, где есть еда, напомнила она себе. Еда. Кровь.

Как быстро она привыкла к новому рациону, настолько, что думала о городах примерно так же, как раньше думала о ресторанах. Лос-Анджелес или Нью-Йорк? Макдональдс или Бургер Кинг? Убедившись, что мотоциклист действительно уехал — звук его двигателя затих вдали.

Река-Рамона прошла последние несколько кварталов до сравнительно небольшого алюминиевого здания. Цепь была несколько раз обмотана вокруг дверной ручки и кронштейна на стене, но когда она открыла дверь до упора, ей хватило места, чтобы протиснуться.

— Эй, — позвала Рамона, когда ее глаза начали привыкать к темноте. В центре открытой комнаты зажегся свет, разрушив ее ночное зрение.

— Рамона? — раздался тоненький голосок из одного из больших отверстий в полу, также являвшегося источником света.

— Да.

В поле зрения появилась голова Дженни, затем ее плечи, затем торс, когда она поднималась по ступенькам из одной из сдвоенных ям для смазки. Она несла фонарь на крюке, который механик вешает над двигателем, над которым работает. От фонаря вниз по ступеням тянулся шнур.

— Дарнелл с тобой? — спросила Дженни.

— Нет.

Джен была выше Рамоны и блондинкой. Рамона всегда считала, что раньше она была привлекательной, но сейчас она была слишком исхудавшей и бледной, чтобы быть красивой. Как и Рамона, Дженни носила рваные джинсы — рваные не для того, чтобы быть стильной, а после месяцев и месяцев износа. Но если Рамона носила рваную футболку, то Джен, несмотря на летнюю жару, пряталась под одной, а не под двумя безразмерными толстовками.

— Здесь холодно, — сказала Джен. Она скрестила руки и прижала их к телу. — Тебе холодно?

— Нет.

— Где ты был?

— Вон.

Рамона оглядела заброшенный гараж. Двери обоих отсеков все еще были прикованы цепями внутри. Кроме этого, она не могла ничего разглядеть за пределами небольшого участка, куда проникал свет. Наверное, подумала она, они обе могли бы видеть лучше, если бы Дженни просто выключила этот проклятый свет. Ночное зрение было еще одним побочным эффектом, который Рамона заметила после изменения. Но Джен придерживалась прежних взглядов.

Как прыгун на рельсы, подумала Рамона, вновь вступая на мост.

— Какие-нибудь проблемы? — спросила она. Она не заметила никаких признаков того, что байкер или кто-либо другой побеспокоил это место.

— Нет. А у тебя?

— Не совсем.

— Что значит “не совсем”? — Дженни мгновенно разволновалась. Это не заняло много времени.

Рамона пожалела, что ничего не сказала.

— Я имею в виду, не совсем. Какой-то байкер ведет себя круто. Вот и все.

Они оба подпрыгнули, когда дверь стукнулась о цепочку. К их облегчению, Дарнелл проскользнул внутрь.

— Выключи этот гребаный свет.

— Пошел ты, — огрызнулась Джен.

— Да пошел ты, — проворчал он в ответ. — Ты можешь видеть свет снаружи через щели вокруг двери. Держи его в яме, если боишься темноты.

Рамона вздохнула. Вот почему она держалась подальше. Ей не нужна была головная боль. Ей было бы лучше без них. Или она могла бы умереть без них.

— Какая разница, если кто-то это увидит?

— Вы не спите здесь днем, — заметил Дарнелл.

Рамона снова вздохнула. Он был прав. Не было смысла глупо рисковать. Она кивнула Джен, и свет погас. Некоторое время они стояли в темноте. Рамона слышала, как Джен скрежещет зубами, а Дарнелл переминается с ноги на ногу, скрещивая и разкрещивая руки. Очень скоро они смогли видеть достаточно хорошо. Не так детально, как при свете, но в большем диапазоне.

— Здесь есть и другие, — наконец сказал Дарнелл.

Рамона кивнула.

— Другие? Где? — Джен судорожно огляделась вокруг, как будто они были на пятках у Дарнелла и собирались выломать дверь в любую секунду.

— Здесь, в городе, — сказал Дарнелл. — Я следил за ними. Наблюдал, как они кормятся.

— Следил за ними? — Эта мысль расстроила Джен. — Они тебя видели?

— Они меня не видели.

— Они могли следить за тобой!

— Они не следили за мной.

Рамона наблюдала за тем, как Дарнелл пристально смотрит на Дженни. Он постоянно сбрасывал со счетов ее страхи, но, похоже, не мог игнорировать ее истерику. Он забыл, как много они помогали друг другу. Рамона поняла, что все они склонны забывать об этом, когда опасность не подступала вплотную.

— Эдди не думал, что за нами кто-то следит, — тихо сказала Рамона. На них опустилась тяжелая тишина. Дарнелл бросил на нее тяжелый взгляд.

— Это было другое, — сказал он. — Это был волк.

— Оборотень, ха! — Джен фыркнула.

Дарнелл снова обратил свой гнев на нее.

— Почему, блядь, нет? Это был не медведь, и уж точно не дикая собака. — То, что Дженни закатила глаза, только подстегнуло его. — Ты видел, на что мы способны, кто мы такие. Почему, блядь, не оборотень?

— Неважно, что это было, — сказала Рамона. — Мы сбежали.

— Скажи это Эдди, — сказал Дарнелл.

И снова их охватила тишина. Джен поставила погасший фонарь на пол и села, свесив ноги через край ямы. Рамона наблюдала за Джен и понимала, что они, возможно, никогда бы не встретились, если бы не стали теми, кем стали. Они бы точно не стали подругами. Джен происходила из привилегированной жизни, и эта новая жизнь стоила ей больше всего. Временами она бывала раздражающе трудной, но она была одним из немногих людей, которых Рамона знала — ни до, ни после перемены — и которые проявляли доброту, когда Рамона в ней

нуждалась. Именно поэтому, поняла Рамона, она вернулась к этой женщине, которая была встревожена всем происходящим больше, чем сама Рамона.

Дарнелл был совсем другим. В отличие от Дженни, он мог сделать это самостоятельно. По крайней мере, он мог, если мог кто-то из них. Рамона наблюдала за ним, пока он подтаскивал большой ящик, чтобы сесть на него. Как и она сама, он мало рассказывал о том, что было раньше. Она знала, что он жил в Комптоне и что он из большой семьи. Однажды он рассказывал, как мать таскала его и всех его братьев и сестер в церковь. Это было почти все, что Рамона знала о его прежней жизни, а о своей они знали не больше. Странно, но это было неважно. Те старые жизни были мертвы и ушли, и вот они втроем с людьми, с которыми они никогда бы не стали общаться, если бы не...

— Где вы их видели? — Голос Дженни нарушил тишину. Она дрожала в темноте.

— Дальше в городе. — Дарнелл сидел на ящике, но он не был спокоен. Он никогда не был спокоен, подумала Рамона, если только не находился в движении. Сидение на месте заставляло его нервничать. — Я могу сказать, что они охотятся, — сказал он — Так что я держался в стороне, не высовывался, следил за ними. Это было странно. Даже до того, как они кого-то поймали, я мог сказать, что это вампиры.

— Вампиры... — Джен покачала головой и позволила своему голосу прерваться.

Мгновенно Дарнелл поднялся на ноги.

— Да пошел ты! Ты не думаешь, что мы вампиры?

Рамона вздохнула про себя. Они спорили об этом уже раз сто.

— Если ты собираешься кричать, мы можем включить свет, чтобы все знали, что мы здесь.

Дарнелл сделал шаг назад от Джен, немного понизив голос.

— Мы пьем кровь. Он обнажил клыки и указал Джен на свой рот. — Они тебе знакомы? И я не вижу, чтобы ты лежала на солнце и загорала на своей лилейно-белой заднице. За кого еще ты нас принимаешь?

— Я не знаю, — сказала Джен, а затем добавила под вздох, — но я не вампир.

— Ты уверен, что они тебя не видели? — спросила Рамона.

Дарнелл бросил на нее еще один грязный взгляд, но потом решил, что это честный вопрос.

— Я уверена.

— Я тоже видела одного, — сказала Рамона. Дарнелл сел обратно. Он не выглядел удивленным.

Джен села прямо, ее глаза расширились.

— Байкер?

— Угу. — Рамона посмотрела на Дарнелла. — Сказал, что он был с Шабашом, что он вернется.

Дженни нервно ерзала, но Дарнелл встретил взгляд Рамоны.

— Пусть возвращается, — сказал он.

Громкий треск заполнил гараж — взрывное эхо от захлопнувшейся тяжелой двери. Все трое разом вскочили. Дарнелл спустился со своего ящика. Рамона присела на корточки и была готова к тому, пружинить в любом направлении. Джен уже наполовину спустилась по ступенькам в яму. Она заглянула за край.

— Ты оставляешь ее открытой? — спросила Рамона у Дарнелла, кивнув в сторону двери.

— Должно быть.

Рамона не видела никого в комнате. Она направилась к двери, готовая напасть или отступить, если потребуется. У двери она принюхалась к воздуху. В воздухе витал слабый запах старого моторного масла и окурков. Этот запах она узнала. Она замечала его несколько раз за последнее время, но так и не смогла определить его. Теперь он снова исчез, и она осталась стоять у двери.

— Что это? — спросила Джен из ямы.

— Не знаю. Рамона стояла совершенно неподвижно. Она прислушивалась к любому движению по ту сторону металлической двери. Ничего. Могла ли дверь, которая открывалась лишь на несколько дюймов из-за цепочки снаружи, так сильно захлопнуться от ветра? Она не помнила, чтобы чувствовала дуновение ветерка.

Дарнелл стоял у ее плеча. Он двигался почти так же бесшумно, как и она.

Медленно Рамона взялась за ручку. Одним быстрым движением она повернула ее и толкнула дверь. Она защелкнула цепочку. Она подождала. Ничего.

Убедившись, что никто не войдет, Рамона мысленно сосчитала до трех, а затем выскочила в открытую дверь. Как бы быстро она ни двигалась и как бы узка ни была щель, она едва коснулась двери, когда выскользнула наружу. Дарнелл последовал за ней.

Ей снова показалось, что она заметила странный, линялый запах, но потом он исчез, заглушенный всеми запахами города и знакомым запахом Дарнелла рядом с ней.

— Похоже, мы одни, — сказал он.

Рамона смотрела в ночь и качала головой.

— Нам должно так повезти.

Суббота, 17 Июль 1999, 11:38 PM
Жилой дом в Гарлеме
Нью-Йорк, Нью-Йорк

— Она может послать меня туда, и она это сделает, — сказал Жавон в телефонную трубку с такой настойчивостью, что ее шепот почти потерял смысл.

— Девочка, скажи ей, что ты просто не идешь, — сказала Альвина. — Ты хочешь сказать это моей маме? — спросила Жавон. На ее вопрос ответила тишина. Альвина была достаточно опытна, чтобы знать, что лучше не связываться с мамой.

— Я так и думала.

— Ну, и что ты собираешься делать?

— Я не знаю.

Откуда Жавон могла знать, что делать? Именно поэтому она в первую очередь позвонила Альвине, но пока что Альвина ничем не помогла.

— Наверное, я пойду.

— Ты сама виновата, черт возьми, — сказала Альвина.

— Я знаю, что это моя собственная чертова вина, — сказала Жавон. Сколько раз мама вбивала эти слова в голову Жавона. Только мама не ругалась, конечно. — Мне не нужно, чтобы ты мне это говорила.

Жавон легла обратно на кровать. Свободной рукой она слегка потрогала припухлость, которая теперь почти полностью исчезла с ее лица. Никаких постоянных шрамов. Большинство синяков уже исчезли. Как только несколько царапин заживут,

она будет как новенькая. Так из-за чего, спрашивала она себя иногда, все так суетятся?

— Если бы ты держалась подальше от Адриана…

— Я не собиралась встречаться с Адрианом! — Ложь быстро дошла до Жавона, но не была убедительной.

— Ага.

— Что значит “ага”?

— То есть, угу, конечно, ты не собиралась идти к Адриану, — сказала Альвина.

— Я не настолько глупа, — сказала Жавон, полностью осознавая, когда произносила эти слова, насколько глупа она была, но это не означало, что она хотела, чтобы ей постоянно напоминали об этом.

— Послушай, — сказала она, — мне не нужно, чтобы ты на меня ругался и говорил, что я глупая. Я могу поговорить об этом с мамой.

Еще одно долгое молчание повисло между двумя девушками.

— Я знаю… — Сказала наконец Альвина. — Но иногда ты просто такая глупая.

Жавон рассмеялась, несмотря на себя. Все было так серьезно последние полторы недели, с тех пор как ее избили и чуть не изнасиловали. Возможно, это был первый раз, когда она смеялась с тех пор. Она не могла вспомнить точно. Жавон подавила свой смех, чтобы не мешать маме — не то чтобы мама не знала, что ее дочь разговаривает по телефону.

— В Хейсбурге, наверное, все равно лучшие школы, — сказала Жавон не столько потому, что ей было не все равно,

сколько потому, что она не могла придумать, за что еще можно было бы ухватиться. Меньше всего ей хотелось, чтобы ее отправили на грузовике на север штата к тете Ирме, но Жавон, похоже, не имела права голоса в этом вопросе.

— Лучшие школы, но нет Адриана, — сказала Альвина.

— Забудь о нем, девочка! — Жавон прижала руку к ее рот. Ей совсем не нужно было снова злить маму.

— Слушай, — сказала Жавон, — послезавтра я уезжаю. Так как насчет того, чтобы завтра вечером ты притащил свою жалкую задницу сюда вместе с моей тупой задницей…

— А мы назовем толстую задницу Анжелики…, — сказала Альвина.

Они снова начали хихикать.

— И мы назовем Анжелику жирной задницей, — согласился Жавон, — и…, — но внезапно слова застряли у нее в горле. Смех превратился в большой комок в желудке. Она не смогла выдавить из себя остальное. — И… — И тогда они больше не увидят друг друга.

— И мы хорошо проведем время, — сказала Альвина.

— Да, — сказала Жавон, хотя они оба знали, что это было не то, что она хотела сказать. — Слушай, мне пора. Я позвоню тебе завтра.

Положив трубку, Жавон услышала тихий звук телевизора по ту сторону стены. Наверное, мама сегодня не уснет. Как и большинство ночей за последние полторы недели.

Воскресенье, 18 Июль 1999, 12:34 AM
Жилой дом в Гарлеме
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Рамона сидела на верхней перекладине пожарной лестницы и наблюдала за мирно спящей Жавон. В первые ночи после нападения девушка металась и звала, пытаясь спастись от хулиганов, которые преследовали ее сны.

— Там есть и похуже, — тихо предупредила Рамона.

Из нескольких кварталов доносился визг автомобильных шин.

Рамона вздрогнула и стала ждать грохота, которого так и не последовало. Почти не задумываясь, она оглянулась и убедилась, что шум не разбудил Жавон. Девочка по-прежнему спокойно спала. За последние несколько недель наблюдений Рамона выработала у себя уникальное чувство, когда спящий проснется — легкий поворот головы и вытягивание шеи перед тем, как дрогнут веки. Рамона была уверена, что, кроме ночи нападения, Жавон никогда ее не видел, и даже ту ночь легко объяснила истерикой или травмой. Тем не менее, бывали моменты, когда Жавон не спала, когда Рамона не сомневалась, что она не видит ее, а темнокожая девушка, казалось, знала, что кто-то — или что-то — наблюдает за ней.

Я помню это чувство, — подумала Рамона.

На мгновение ее отвлек звук движения из тени внизу, но там ничего не было.

Ты сегодня какая-то нервная, девочка. Наверное, из-за того байкера прошлой ночью, решила она — мысль о которой напомнил ей, что она не должна так часто оставлять Джен одну. Дарнелл не проводил с ней больше времени, чем должен был, а что, если байкер вернется? Но взгляд Рамоны снова

переместился на спящего Жавона. Рамона понимала страхи Джен, и даже разделяла некоторые из них, но с Жавоном ее связывала более глубокая близость. Джен была чудовищем, в которое превратилась Рамона, и в этом была какая-то связь, но Жавон была человеком, которым Рамона когда-то была. Смертная девушка выглядела такой спокойной, лежа под простыней. Но когда она бодрствовала, в ней была какая-то непокорность, наивность в сочетании с неправотой во главе с чувством неуязвимости.

Я тоже помню это чувство, — подумала Рамона.

Когда-то она чувствовала себя почти так же. Теперь она знала, что лучше. Она знала, что лучше не думать, что все будет хорошо. Она знала, что лучше не надеяться, что с ней не случится ничего плохого. Жавон же продолжала спать, не обращая внимания на худшие страхи, которые могла предложить ночь.

Через несколько минут Рамона поняла, что смотрела на смертного — а именно так в наши дни называли нормальных людей: смертный, мясо, кровь. Над линией белой простыни рука Жавона покоилась на груди, а над рукой — голая шея. Рамона представила, что видит пульсацию яремной вены — или действительно видит? Окружающие звуки города затихали под стук, стук, стук одного человеческого сердца, под прерывистый шум крови, прогоняемой по артериям и венам.

Рамона была уже на полпути к окну — она щелкала губами — когда поймала себя. Она отступила назад к пожарной лестнице и с силой тряхнула головой.

— Я ненавижу это! — прорычала Рамона себе под нос, садясь и прижимая колени к груди. Потеря контроля над собой, даже на мгновение, вернула воспоминания о переменах, о первой ночи, когда она почувствовала вкус крови на своих губах и потеряла себя от неодолимого голода.

Сидя там, Рамона хотела посмотреть через подоконник на Жавона, но боялась себе это позволить.

Что, если это случится снова? Что, если я не смогу остановиться? Зачем я вообще пыталась спасти ее? задавалась вопросом Рамона, хотя знала, что разрывание этих двух мужчин на части было не столько актом героизма, сколько хищным порывом охотника, у которого украли добычу.

Черт, если бы эти ублюдки не встали на пути, впервые осознала она, я могла бы сама убить Жавон.

Инстинкт охоты взял верх, как это было уже много раз. Кто мог сказать, когда это случится снова? Рамона знала, что лучше не думать об этом. Все ее вновь обретенные способности были еще одним подтверждением ее беспомощности.

Злясь на себя и желая отвлечься, Рамона не смотрела на Жавон, а вместо этого стягивала собственные туфли. Они беспокоили ее уже некоторое время, и она была не в том настроении, чтобы терпеть дерьмо от неодушевленных предметов. Она дергала за язычки своих кожаных кроссовок, как будто они были источником всех ее проблем, и когда она освободила ноги, причина ее физического дискомфорта стала очевидной.

Туфли были в порядке. Но Рамона с ужасом смотрела на свои ноги. От пятки до мяча каждая ступня была сплющена и лишь наполовину длиннее, чем должна была быть. Однако ее шишковатые пальцы на ногах были ненормально удлиненные. Они вытянулись почти как крошечные пальцы, увенчанные толстыми изогнутыми ногтями.

Когти, подумала Рамона, поражаясь.

Она и раньше наблюдала, как ее пальцы превращаются в острые как бритва когти, но это случалось только тогда, когда она злилась или расстраивалась, и длилось недолго. Она

продолжала смотреть на то, что не могло быть ее ногами, и ждала, когда иллюзия исчезнет, или, на худой конец, когда они изменятся обратно.

Но это были ее ноги, и они не менялись в угоду ей.

Боже мой.

Рамона неуверенно протянула руку и была крайне удивлена тем, что почувствовала, как кончики пальцев на ее ноге задевают морщинистую и скрученную кожу.

— Ты поддалась зверю, — раздался голос снизу. Рамона вскочила на свои деформированные ноги. Уровень ниже ее на пожарной лестнице стоял не пуэрториканец из квартиры внизу, которого она ожидала увидеть, а совершенно незнакомый человек.

Волосы на ее затылке встали дыбом. Незнакомец не отступал и не продвигался вперед.

Он стоял с пустым, недружелюбным выражением лица. Темные солнцезащитные очки и длинные спутанные волосы частично скрывали его лицо. Оттенки рваной, помятой одежды, в которую он был одет, почти идеально вписывались в ночной городской пейзаж.

Первоначальный шок Рамоны быстро уступил место низкому рычанию, которое поднялось из ее нутра, но незнакомец поднес палец к губам.

— Тсс. — Он кивнул в сторону окна Жавона.

Он был прав, Рамона знала. Она не хотела рисковать и будить Жавона. Тем не менее, Рамона вздрогнула. Кто он, что должен был указывать ей, что делать? Она проглотила рык, но гнев требовал выхода, и прежде чем она поняла, что собирается это сделать, она спрыгнула со ступенек на незнакомца.

Казалось, он был удивлен ее действиями меньше, чем она сама. Одним плавным движением он положил руку на верхний поручень и спрыгнул с пожарной лестницы.

Когда колени Рамоны разжались от удара при приземлении, она без малейшей паузы бросилась за ним. Ее перебросило через перила, и она приземлилась, пригнувшись и готовая к атаке, в переулке, всего в нескольких футах от незнакомца.

— Не шевелись, ублюдок, — прорычала она, оказавшись на безопасном расстоянии от окна.

Незнакомец наклонил голову, как будто услышал далекий звук, а затем посмотрел вверх, на окно Жавона.

— Кого вы оставите без присмотра? — спросил он. Вопрос заставил Рамону замереть. Он знает о ней, с тревогой подумала она, и в тот же миг, когда она перевела взгляд на окно, он исчез. Рамона стояла одна в пустынном переулке.

Незнакомец исчез, но его запах остался — слабый, но характерный запах, который Рамона замечала и раньше, но никогда прежде ей не удавалось связать его с источником. Она сразу же направилась в ту сторону, куда, как ей подсказал нос, ушел незнакомец, но, пройдя несколько шагов, остановилась.

Кого ты оставишь без присмотра? Его слова, сказанные всего несколько минут назад, вернулись к ней.

Она снова посмотрела на окно. Была ли угроза Жавону?

Кого вы оставите без присмотра?

Он явно знал о девушке, хотя даже Рамона не понимала, что привлекло ее сюда каждую ночь. Запах. Рамона заставила себя подумать. Ее инстинкты мгновенно переключились с агрессии к незнакомцу на защиту Жавона, но Рамоне нужно было подумать. Она заметила запах прошлой ночью в гараже.

Значит ли это, что он также знал о Джен и Дарнелле и о месте их упокоения?

Я вернусь, сказал байкер, как в плохом повторе фильма со Шварценеггером. Был ли этот незнакомец тоже частью Шабаша?

Рамона снова посмотрела на окно.

Или он заманивает меня, чтобы потом вернуться? задалась она вопросом.

Как и во многие другие ночи за последние несколько недель, она разрывалась между тем, чтобы остаться и присмотреть за спящим смертным, и тем, чтобы пойти к своим сородичам. Осознанно не решая эту дилемму, Рамона пошла по запаху, и хотя он вскоре исчез, но первые шаги привели ее к мосту Джорджа Вашингтона.

Пройдя полмили, Рамона поняла, что забыла обувь на пожарной лестнице, но она долго не решалась. Кроме того, ее деформированные ноги легко передвигались по тротуару. Ни гравий, ни битое стекло не причиняли боли ее жестким, кожаным подошвам, а ритмичное постукивание когтей по асфальту убаюкивало ее и вводило в легкий транс.

Кого вы оставите без присмотра?

Кварталы и мили оставались позади нее, пока она не пересекла мост, пропуская машину, которая свернула в сторону от тени, мелькнувшей, лишь на мгновение, в периферийном зрении водителя. Затем мост тоже скрылся вдали. Рамона проехала то место, где накануне столкнулась с мотоциклистом. Она бешено зашагала вперед, подгоняемая нарастающим в ней ужасом. Что, если она опоздала к своим друзьям? Что, если она приняла неверное решение, и с Жавоном случилось что-то ужасное?

Когда показался гараж, Рамона почувствовала не облегчение, а мгновенный необъяснимый ужас. Снаружи все казалось темным и тихим.

Нормально тихо или слишком тихо?

Вопрос едва успел промелькнуть в ее голове, как она уже стояла у двери. Она рванула ее. Цепочка на ручке разлетелась вдребезги, когда ее звенья столкнулись с силой, которой они не могли противостоять. Звон разлетевшихся по стоянке обрывков цепочки затерялся во взрыве металлической двери, с грохотом ударившейся об алюминиевую стену здания. Ра-Мона вскочила, готовая к атаке.

Дарнелл вскочил со своего места и повернулся к ней лицом. Рамона успела лишь мельком взглянуть на Джен, когда та скатилась в ближайшую яму.

— Мама!... — Дарнелл начал кричать, но его проклятие оборвалось, когда узнавание медленно сменилось шоком на его лице. — Какого черта ты делаешь?

Рамона быстро осмотрела затемненный интерьер здания.

— Он был здесь? — промолвила она.

— Что...? Кто? — Дарнелл, уже рассерженный и более чем немного смущенный тем, что его застали врасплох, не был успокоен словами Рамоны почти франтовской манере.

— Байкер, — начала говорить она, но потом поняла, что больше всего беспокоится не о нем. Незнакомец. — Кто угодно.

— Никто, кроме твоей сумасшедшей задницы, ломающей эту чертову дверь! — сказал Дарнелл.

В яме, куда скрылась Джен, зажегся свет. Она высунула голову и подняла фонарь механика.

— Рамона? Это ты?

— Выключи этот чертов свет! — в унисон ответили Рамона и Дарнелл, прикрывая глаза.

Когда свет погас и все трое оказались в полной темноте, Рамона во второй раз за эту ночь услышала визг автомобильных шин. Ранее она ожидала аварии. На этот раз ее ожидания оправдались.

Рев двигателя перешел во внезапное крещендо разрушений, скрученного и разорванного металла, когда автомобиль въехал в дверь левого отсека гаража. Фара разлетелась на ослепительные брызги стекла и искр. Машина вырвала высокую дверь из колеи и остановилась возле ямы.

Рамона успела увернуться и от машины, и от падающей двери. Дарнеллу не повезло. Скользящая машина ударила его прямо в правый бок и подбросила в воздух сквозь темноту.

Рамона покатилась и вскочила на ноги. Оставшаяся фара залила гараж жутким светом, когда старый автомобиль с вмятинами остановился на месте среди запаха жженой резины. Почти мгновенно три из четырех дверей открылись, и оттуда вышли байкер и еще двое в похожей неофициальной униформе — потертая футболка, выцветшие узкие джинсы, черные ботинки.

— Приветик, сладкоежка, — позвал байкер в темноту. Его спутники обошли его с двух сторон. — Готова поиграть с большими мальчиками, или ты хочешь потренироваться нырять по-настоящему?

Рамона пошарила вокруг и нашла большой полумесячный гаечный ключ на вершине стопки коробок. Вес инструмента был твердым и удобным для ее руки. Трещина на рукоятке не стала для Рамоны проблемой. Быстрым, похожим на топор движением она запустила гаечным ключом в байкера.

Она ударила его в висок и откинула голову в сторону. Он пошатнулся, но не упал, а когда восстановил равновесие, к ужасу Рамоны, на его лице появилась злая ухмылка.

— Иди к папе, детка, — сказал он, облизывая губы и шагая вперед в темноту, повторяя путь, пройденный гаечным ключом. Он не обращал внимания на струйку крови, стекавшую по его лицу, и на удар, который убил бы и смертного.

Рамона огляделась вокруг в поисках какого-нибудь другого оружия, отступая от наступающего байкера. Может ли это быть тот же человек, который прошлой ночью уклонился от конфронтации с ней? Так и было, но сегодня на его стороне были цифры.

Так он думал.

Внезапно над гулом неработающей машины раздался звериный рев. Из темноты на противоположной стороне дороги, словно демоническая хищная птица, в воздух взвился Дарнелл. Он налетел на двух Шабашов, стоявших позади байкера, и повалил их на пол под своей яростной атакой.

Когда мотоциклист обернулся на шум, Ра-Мона бросилась к его горлу. Он почувствовал ее атаку в последнюю секунду, но этого хватило, чтобы отклонить, а не уклониться от ее удара. Сила Рамоны повалила его на землю.

На мгновение пять вампиров скорчились на полу, как личинки на падаль. Бледные тела извивались, пытаясь удержаться на ногах. Рамона и байкер первыми распутались. Каждый скатился и вскочил на ноги.

Дарнелл взобрался на одного из двух своих врагов и стал царапать и кусать лицо своего противника. Несчастное существо пыталось защититься, но у него мало что получалось против жестокости Дарнелла. Однако позади Дарнелла встал

другой Шабашит и снял с пояса специальный пистолет 38-го калибра, который он направил в затылок Дарнелла.

Рамона сделала движение, чтобы спасти подругу, но байкер, воспользовавшись тем, что она отвлеклась, ударил ее по затылку своим твердым кулаком. Рамона упала на колени, и время словно застыло перед ее глазами.

Внезапно Джен поднялась из ямы сразу за Шабашом, державшим револьвер. В каждой руке она держала по зажиму комплекта проводов для перемычки и сразу же подсоединила их к ничего не подозревающему стрелку.

Кабели, должно быть, были подключены к батарее в яме, потому что из зажимов и из вампира Шабаша посыпались искры. Револьвер выпал из его руки, а сам он скрючился в неестественно жесткой позе. Треск электричества плясал по его телу, когда он спазматически дергался, а его глаза закатились к голове. Едкий дым и запах паленой плоти, казалось, разом заполнили весь гараж. В замедленной съемке он упал на одно колено, а затем, разинув рот и пуская слюни, рухнул на пол.

Джен с выражением ужаса на лице отступила от своей жертвы. Другой вампир Шабаша, воспользовавшись гибелью своего друга, отскочил от Дарнелла и, держась за его окровавленное лицо, продолжил путь из гаража.

Все это не осталось незамеченным для мотоциклиста. На мгновение он застыл в нерешительности, раздумывая между тем, чтобы остаться сражаться и бежать с приятелем. Его нерешительность стоила ему жизни. Рамона со всей силы ударила ногой по его челюсти. Стаккато треск костей прорезал непрерывный гул от проводов перемычки.

Мотоциклист тяжело приземлился в нескольких ярдах от него и лежал оглушенный. Когда он наконец сел, его челюсть была установлена под довольно странным углом вправо. Он поднял руку, но лишь осторожно коснулся подбородка.

Рамона направилась к нему.

— Ты что-то говорил о больших мальчиках, — напомнила она ему. — Они скоро появятся?

В его чертах мелькнуло сомнение.

— Может быть, ты будешь тренироваться нырять с моста, как лебедь, — сказала Рамона.

Они с Дарнеллом подошли ближе к байкеру. Джен, не обращая внимания на лежащее на полу электрически живое тело, нервно кружила за ними.

Байкер все еще выглядел ошеломленным после кругового удара Рамоны. Вместо того чтобы ответить на ее насмешки, он сплюнул кровь на пол, что, очевидно, причинило ему сильную боль.

Рамона подошла еще ближе. Она не питала иллюзий, что он и его спутники пощадили бы ее. То немногое, что она знала о Шабаше, побывав сначала на Западном побережье, а теперь на Восточном, говорило о том, что они не из тех, кто прощает. Он не рассчитывал на Дарнелла и Джен, а разве это не было просто издевательством для байкера?

Но ее следующий шаг был прерван звуком моторов, раздавшимся неподалеку — машины, несколько машин, приближались все ближе.

Рамона обернулась к байкеру. Сломанная челюсть и все остальное, его лицо исказилось в безумной усмешке.

— Лучше побыстрее, — мучительно пробормотал он, когда смех, глубоко в его нутре, как задушенный кашель, начал сотрясать его тело.

— Шелп! — Другой голос привлек внимание Рамоны сзади.

Повернувшись, она увидела, что верхняя половина незнакомца торчит из отверстия в полу, где до этого лежала стопка ящиков.

— Сюда. Быстрее! — Его голос был сильным, властным. В нем не было чувства отчаяния, но он намекал, что не ожидает промедления в повиновении.

Рамона снова столкнулась с байкером, который теперь весело смеялся. Из его рта капала кровь.

Она нанесла еще один удар ногой по его лицу. Он крутанулся и упал на землю, не двигаясь, но кровь Рамоны поднялась. Ей хотелось снести ему голову.

Но незнакомец ждал с нетерпением. Положение проема было таким, что Дарнелл и Джен не могли его видеть. Только Рамона. Его взгляд устремился на нее.

Машины, которые порадовали мотоциклиста, были уже совсем близко. Лучи фар пробивались сквозь зияющую дыру, в которой была вырвана дверь отсека. Мотоциклист лежал совершенно неподвижно, но машин должно было быть больше Шабаша. Сколько их, Рамона не знала. И не хотела знать.

— Идемте, — позвала она Дарнелла и Джен. Она подвела их к открытому люку. Незнакомца нигде не было видно.

— Откуда это взялось? — спросила Джен.

Рамона пожала плечами. Он был под какими-то коробками. Она остановилась над отверстием. Кто был этот незнакомец, который угрожал ей раньше и помог сейчас? Но машина, врезавшаяся в неповрежденную дверь отсека, преследовала ее, вопросы из ее головы. Рамона нырнула в отверстие, а Дарнелл и Джен последовали прямо за ней. У Дарнелла хватило ума захлопнуть люк.

Они оказались зажаты в низком узком подвале, утыканном трубами разных размеров. Единственным источником света было то немногое, что просачивалось по краям люка.

— Отлично, — пробормотала Рамона. Первой ее мыслью было, что незнакомец выпрыгнул и убежал, пока она не смотрела, и теперь она и остальные оказались в ловушке — по крайней мере, до тех пор, пока подкрепление Шабаша не включит свет и не найдет люк.

А может быть, незнакомец сбежал раньше них.

Рамона поползла вперед в темноту. Ее глаза быстро адаптировались.

— Ой! — Джен не успела опустить голову.

— Заткнись, мать твою! — Дарнелл шипел на нее резким шепотом.

Рамона не обращала на них внимания и продолжала ползти. Она почти упала головой вперед в открывшуюся под ней дыру. Она остановилась так резко, что Дарнелл врезался в ее задницу, а Джен — в него.

— Эй...!

— Заткнись, блядь!

Рамона пролезла в дыру головой вперед.

— Сюда. Вниз, — сказала она через плечо, на случай, если они ее не увидят.

Трубы уступили место грязи и камню, но новый туннель оказался не более просторным, чем ползала. Более того, стены сомкнулись вокруг нее еще плотнее. Рамона никогда раньше не была под землей. У нее никогда не было причин подозревать,

что клаустрофобия не было для нее проблемой, но она вдруг почувствовала нехватку воздуха.

Ты больше не дышишь, сучка, напомнила она себе и поползла вперед, чтобы Дарнелл и Джен могли следовать за ней вниз.

Туннель впереди шел под уклон, и это было самое подходящее направление. Крошечная, но гнилостно пахнущая струйка воды вела Рамону дальше. Потолок прохода опустился больше, чем пол, и пространство стало еще теснее. Вскоре Рамона ползла, повернув лицо набок и уткнувшись щекой в грязь. Позади хныкала Джен, а Дарнелл ругался себе под нос. Спина Рамоны скребла по потолку, но она уже была прижата к полу так сильно, как только могла.

Она осмотрела темноту впереди. Ее глаза адаптировались настолько, насколько это было возможно. Света было слишком мало, и ничего не было видно, кроме камней и грязи. Она не хотела вклиниваться, но и не хотела пытаться направить Джен и Дарнелла в другую сторону, чтобы либо попробовать пройти в другом направлении, либо снова выйти к гаражу. Впереди было лучше.

Рамона протиснулась вперед с большей силой и проскочила через узкое место.

— Здесь немного открывается, — сообщила она остальным. Туннель также круто поворачивал вниз. Они ускорили шаг в менее ограниченном пространстве и вскоре вышли на крутой поворот. Рамона почувствовала свежий воздух на своем лице. Еще двадцать ярдов, и они вылезли на крутой берег реки Гудзон, недалеко от моста Джорджа Вашингтона.

Рамона огляделась, но незнакомца не было видно. Она чуть было не спросила, не видели ли его остальные, но решила, что сейчас не время и место. Дискуссии с Дарнеллом и Джен имели тенденцию быстро перерастать в споры, а Рамона хотела бы

немного отдалиться от Шабаша, как бы много этих ублюдков ни кишело вокруг. Кто знал, может, они найдут люк, а может, у них есть наблюдатели на мосту или рядом с ним?

— Сюда, — сказала Рамона, направляясь на север вдоль реки.

— Куда мы сейчас идем? — спросила Джен. Она сняла свою верхнюю толстовку, испачканную спереди грязью из туннеля.

— Хейесбург, — сказала Рамона. В Нью-Йорке вдруг стало слишком жарко. Прямо как Лос-Анджелес, подумала она. Дарнелл, должно быть, согласился. Иначе он не стал бы спорить.

— Хейесбург, — повторил он.

— Где это?

— Не знаю, — ответила Рамона. — Думаю, нам придется найти его. Она не спускала глаз с притаившегося Шабашита — или с незнакомца, который, казалось, к лучшему или худшему, заинтересовался ею. Ускорив рысь до бега, она пыталась решить, что будет делать, если встретит его снова: благодарить или надрать ему задницу? Она не сразу нашла ответ.

Воскресенье, 18 Июль 1999, 4:39 AM
Межштатная автомагистраль 81-Северная
Около Роанока, штат Вирджиния

Солнце и луна, рука об руку, во всем своем белом блеске были заперты в маленьком зеркале. Впереди ритмичные белые линии устремлялись вперед из темноты, одна за другой, как прекрасные лебеди, каждая из которых неуклонно следовала за своей предшественницей.

Все остальное было тьмой.

Ветер от пролетающих лебедей ударил по лицу Леопа— стара. Он смахнул пунцовые слезы, вызванные сладкой визуальной какофонией Зрения и не-Зрения. Белый свет солнца и луны вырвался из зеркала и разбился на спектр оттенков, каждый из которых манил его потерять себя в своей суровой чистоте. Радужные полосы окутали его. Солнце и луна больше не сдерживались. Сферы-близнецы вышли за пределы пластиковых краев зеркала и залили Леопольда ослепительным светом.

В тот же миг лебеди, не разрывая своего одношереножного строя, дико дернулись вправо. Раздался глубокий звук рога, от которого у Леопольда затряслись поджилки. Звук раздался у него за спиной. Он оглянулся через плечо, чтобы посмотреть на солнце и луну, свободные от зеркала заднего вида, когда они надвигались на него сверху.

Леопольд вцепился в руль, выстрелил вправо, снова пропуская проплывающих лебедей. Солнце и луна пронеслись мимо. Призрачные цвета вспыхнули и исчезли. Шины автомобиля сошли с тротуара и неуверенно зацепились за гравийную обочину, когда машина пошла рысьим хвостом. Инстинкты, отточенные далеким смертным опытом, взяли верх. Леопольд свернул в горку, перекомпенсировал, уверенно повернул колесо в другую сторону, чтобы исправить второе

скольжение. Два колеса оторвались от земли. Машина зависла на пороге полета на секунду, растянувшуюся в вечность... затем тяжело выпрямилась и остановилась.

Леопольд мысленно видел следующее мгновение, которое не наступило: машина переворачивается на бок, на крышу, кувыркается по шоссе и падает на насыпь в потоке стекла и смятого металла. Тишина успокоила бурлящую смесь Зрения и не-Зрения. Белые линии неподвижно лежали на дороге, где они заняли место лебедей в полете. Солнце и луна превратились в маленькие, пронзительно-красные огоньки, остановившиеся в сотне ярдов от шоссе. Смех музы, раздававшийся из ниоткуда, затих вдали. В суматохе момента Леопольд не заметил ее. Теперь он крутанулся, надеясь увидеть ее, но его движение заставило мир снова устремиться к сместившимся осям безумия.

Он откинул голову на сиденье и позволил ей беспрепятственно уйти.

Она не оставит его. С каждым часом он все больше убеждался в этом. Он был ее избранником, проводником неизведанных откровений. Она по-прежнему вела его вперед, чтобы он мог творить совершенство. По ее настоянию он освободил автомобиль того молодого человека в Атланте и всю прошлую ночь и всю сегодняшнюю ночь ехал на север.

Ответы лежат в этом направлении. Леопольд был уверен в этом. Тем не менее, он понимал, что скоро наступит утро. Ему нужно было поскорее найти убежище. Путешествие на север должно было продолжиться завтра ночью рядышком.

Шаги. Когда мир вокруг Леопольда успокоился, он частично заметил человека, приближающегося со стороны полуприцепа, остановившегося неподалеку.

— Господи Иисусе, ты в порядке? — спросил дальнобойщик. — Ты пьян, или просто глуп, или, Боже правый, у тебя глаз...

Леопольд размахнулся, рывком втащил дальнобойщика в открытое окно и в течение одного удара сердца пировал из сломанной шеи.

Через несколько минут Леопольд отъехал от безжизненного тела на краю дороги I-81 и переехал через разделительную полосу на пустые полосы южного направления.

Недалеко отсюда была стоянка грузовиков, подумал он. Я уговорю водителя предоставить мне убежище.

Водитель не уйдет днем. В этом Леопольд был уверен.

Часть вторая: Кость

Четверг, 22 июля 1999 г., 1:02 AM
Старая начальная школа Хейесбурга
Хейесбург, Нью-Йорк

Рамона легла на спину на скользкий, твердый деревянный пол и уставилась невидящим взглядом в тусклую высоту сводчатого потолка. Она зажмурила глаза. Вся ее воля была направлена на то, чтобы противостоять желанию, которое искушало ее всю ночь. Шаги, которые она почувствовала и услышала, приближаясь к ней, стали одновременно облегчением и отвлечением. Рамона узнала Джен, не глядя, — тихое приближение, нерешительное, но не крадущееся.

Джен остановилась в нескольких футах от него, но промолчала. Рамона открыла глаза. Единственный свет в пещерной комнате, от уличных фонарей снаружи, проникал через окна под потолком. Джен кивнула с нервной улыбкой. Ее губы, когда-то пухлые, как у красивой модели, подумала Рамона, стали бледными до синеватого оттенка.

— Я не хотела тебя беспокоить, — сказала Дженни. Проходили секунды. Казалось, ей все больше не нравилось молчание. — Я подумала, может быть, ты…

— Спишь? — спросила Рамона с презрительной усмешкой. — Ты действительно спишь? Даже днем? — Джен пододвинула стул и села. Единственные стулья, которые они нашли в этой заколоченной начальной школе, были детского размера — видимо, все взрослые забрали свои стулья с собой, когда здание закрыли, — и Джен, сидевшая в центре пустого спортзала, вместо того чтобы стать карликовой, казалось, уменьшилась в размерах. Она выглядела как ребенок в одиночестве, в огромном, темном пространстве.

— Нет, — ответила Джен. — Я не чувствую, что сплю. Но я сплю… наверное.

— Сны?

Джен медленно покачала головой.

— Не то чтобы я помнила. — Она уставилась вниз на свои ноги. — Это не похоже на сон. Это похоже на…

— Быть мертвой, — сказала Рамона. Слова повисли в могильной тишине спортзала.

Джен плотно зажмурила глаза и продолжала качать головой, пытаясь отрицать то, что, по ее мнению, было правдой. Рамона понимала, что чувствует девушка. Рамона сама прошла через это, в какой-то степени все еще проходила через это, но не в такой степени, как Джен. Возможно, Джен потеряла больше в своей земной жизни, и от этого ей было тяжелее.

Из уголка глаза Джен капнула одна пунцовая слеза, выдавая ее неспособность принять их новую реальность. Капля крови ударилась о блестящее зерно пола. Рамона подняла палец и стерла след слезы со щеки Джен, прижав палец к ее языку.

Вампир, — подумала Рамона.

Когда она попробовала насыщенную кровь, это слово застряло в ее сознании.

Вампир.

Дарнелл был прав. Как Джен могла притворяться, что они стали кем-то другим? Но, подумала Рамона, уговорами Джен не переубедить. Разве Дарнелл не видел этого? Неужели он не почувствовал ничего из того, над чем мучилась Джен? Неужели его не беспокоит чудовище, в которое он превратился?

Я боюсь того, во что я превратилась, подумала Рамона.

— Когда же это закончится? — прошептала Джен. Кровь прилила по нижним краям ее глаз.

— Не знаю.

Рамона снова закрыла глаза. Она все еще чувствовала вкус крови Джен. Она снова почувствовала желание, которое отрицала всю ночь.

Это следующий шаг, подумала Рамона.

В отличие от своей подруги, она смирилась с тем, что стала вампиром, но теперь она узнала, что означает этот союзник.

— Иногда нужно просто смириться, — вслух сказала себе Рамона.

Когда Джен резко вдохнула, Рамона слишком поздно поняла, что ее комментарий прозвучал как легкомысленное игнорирование ее беспокойства. Рамона села, намереваясь исправить ситуацию, но Джен уже вскочила на ноги и была на полпути через весь зал. Она пыталась подавить рыдания, но на ее пути виднелись капли крови.

Рамона вздохнула. Этой девчонке надо когда-нибудь стать жестче, подумала она. Но Рамона не отказалась бы от компании сегодня вечером.

Куда подевался Дарнелл? — задалась она вопросом.

Ранее он рыскал по подвалу, перелезал через груды выброшенной мебели, искал подвал или более глубокий склад, который был бы еще дальше от солнечного света.

— Ты не должен этого делать, ты знаешь, — сказала ему Рамона, но он только хмыкнул и продолжил делать то, что делал.

И он, и Дженни странно отреагировали на последнее открытие Рамоны.

Они покинули Нью-Йорк четыре дня назад. В первую ночь они почти ничего не узнали. Рамона украла карту в магазине, и они нашли заброшенный дом, где пересидели день.

На вторую ночь они отправились на север, в сторону Хейсбурга. Поначалу все шло медленно. Убийцы Шабаша, казалось, таились в каждой тени. Даже Дарнелл был нервным. Рамона безуспешно искала следы как Шабаша, так и таинственного незнакомца, от которого исходила опасность, но который также сделал возможным их побег. И снова трое искали заброшенное здание, чтобы провести день в относительной безопасности.

Однако следующая ночь застала их гораздо дальше на севере и без крова, когда над горизонтом забрезжили первые розовые и оранжевые пятна утра. Рамона и остальные находились на окраине одного из маленьких городков, разбросанных вдоль реки Гудзон, и не было очевидного выбора для временного пристанища.

— Есть успехи? — Рамона спросила Дарнелла, который только что в третий раз прочесал город. — Сгоревшее здание?

— Нет ничего с подвалом, — прорычал он.

Джен навязчиво ковыряла ногти и сидела в тревожном молчании.

— Почему ты беспокоишься о солнце? — поддразнил ее Дарнелл. — Ты не вампир, помнишь?

Рамона отгородилась от их препирательств. У нее не было на это времени. Они втроем, вместе с другим своим спутником, Эдди, пересекли большую часть страны в легком герметичном фургоне — это была идея Эдди — и никогда не испытывали недостатка в месте, где можно было бы провести день. Возможно, подумала Рамона, им следовало бы подольше продержаться в фургоне или взять другой. Но по мере того, как проходили недели, ей все больше и больше не нравилось сидеть взаперти в любом транспортном средстве. Две ночи пути пешком из города были долгими, но они позволили Рамоне и остальным быть активными. Было бы хуже, если бы захлопнулась внутри машины, удивляясь, что в каждой второй появившейся машине сидит киллер из Шабаша. Кроме того, благодаря своим сверхъестественным физическим возможностям, трое успевали очень быстро.

Машина не годится, решила Рамона. Ночь была для того, чтобы исследовать окрестности, почувствовать запах ветра, ощутить землю под ногами.

Она посмотрела вниз на когтистые конечности, в которые превратились ее ноги — и Дарнелл, и Джен не заметили, она была уверена, но у обоих хватило здравого смысла не задавать ей вопросов — и погрузила пальцы в землю. Прохладный комфорт окутал ее ноги, как будто она вступила в естественное родство с самой землей. Она копнула еще немного глубже, а затем, что удивительно, ее ноги начали постепенно погружаться в землю. Как бы необъяснимо и неожиданно это ни было, это было как-то правильно; казалось, что это то, для чего она была предназначена.

Слова о ее утраченной смертной вере пришли ей на ум -

Пепел к пеплу. Прах к праху.

— Идите сюда, — приказала она своим друзьям.

Недоумевая, они сделали это, и каждый взял руку, протянутую Рамоной.

— Закройте глаза. Ни о чем не думайте, — сказала она им.

Кончиками пальцев Рамона чувствовала кровь, скрывавшуюся под неживой плотью, которую она схватила. Она чувствовала тревогу, с которой Дарнелл держал ее руку, и напряжение в каждом мускуле Джен. Но Рамона чувствовала их и через почву под ногами. Она чувствовала прохладу, родство с землей, и инстинктивно позволила этому родству распространиться на них. Они начали погружаться в ее транс, не осознавая этого, и земля приняла их тоже.

Пепел к пеплу. Прах к праху.

— Что ты... — Джен начала слабо протестовать под тяжестью транса, но Рамона яростно схватила ее за руку и в ответ получила молчание.

Холод начал распространяться вверх от ее ступней по ногам. Она могла сказать, что остальные тоже это чувствуют. Живот, туловище были приняты землей. Рамона напрягла всю свою волю, чтобы успокоить Джен. Дарнелл принял эти объятия пассивно, если не сказать комфортно. Их тела погрузились в землю, слившись с почвой, в которую они уже должны были вернуться навсегда.

Рамона представила, как первые лучи солнца пробиваются сквозь листву. В ее воображении листья вспыхнули. Они присоединились к тлению и горению ее плоти, когда свет коснулся ее лица. Горела ли она? Она слишком глубоко погрузилась в оцепенение мертвых, чтобы знать, чтобы заботиться об этом. Несмотря ни на что, земля поглотила ее, погасила огонь, охватила все ее существо.

Пепел к пеплу. Прах к праху.

Темнота. Холод. Безопасность. Забвение.

Когда Рамона открыла глаза, наступила ночь. Мстительное солнце было изгнано до следующего утра. Она лежала на земле в неглубокой впадине, как и Джен с Дарнеллом по обе стороны от нее. Двое других зашевелились, моргнули, словно пробуждаясь ото сна. Рамона лежала неподвижно, наслаждаясь прохладой, той самой прохладой, которая пронизывала ее плоть.

Я могу остаться там, внезапно поняла она. Я могла бы погрузиться глубоко в землю и не возвращаться. Эта мысль была привлекательной. Но как же ее друзья? Как же Жавон?

Джен сидела и тупо смотрела перед собой. Дарнелл счищал грязь с одежды. Никто из них не разговаривал. Они избегали взгляда Рамоны.

Наконец, Джен, ее лицо с оттенком страха, повернулась к Рамоне.

— Как...

Дарнелл вскочил на ноги и ударил Джен по затылку.

— Заткнись! А ты... — он перевел взгляд и длинный обвиняющий палец на Рамону. — Никогда больше так со мной не поступай! — Затем он крутанулся и топая пошел в сторону города.

Джен, слишком смущенная, чтобы сердиться на Дарнелла, все еще наблюдала за Рамоной, как воробей наблюдает за ястребом.

— Это просто случилось, — ответила Рамона на вопрос, который начала задавать Джен. — Это просто случилось.

Она поднялась на ноги и направилась в ту сторону, куда ушел Дарнелл. Через мгновение она услышала, что Джен тоже идет следом.

— Я не могла остановить это, — сказала Джен сзади.

— Если бы ты это сделала, солнце бы тебя достало, — прорычала Рамона.

Она не понимала всего, что происходило. Как она могла объяснить им, если они не могли этого почувствовать?

Следующей ночью они прибыли в Хейсбург. Рамона знала, что Жавон был недалеко. Опять же, Рамона не знала, как она могла это понять. Она просто знала. Однако времени искать девушку сразу не было, потому что Дарнелл и Джен, в редких случаях соглашаясь, настояли на том, чтобы искать убежище, если они собираются остановиться именно здесь.

Рамона собиралась предложить, что им больше не нужно здание для укрытия, но увидела гнев в глазах Дарнелла, страх в глазах Джен и решила отказаться. Они нашли заколоченную школу и провели там день.

Теперь Рамона лежала на полу, ее пальцы касались синтетического герметика, который защищал натуральный материал дерева, когда звук шагов и всхлипывания Джен удалялись вдаль.

На этот раз я позволила им все сделать по-своему, подумала Рамона. Она оставалась с ними весь этот день здесь, в школе. Но чего они боятся? спросила она. Зарыться в землю, чтобы спастись от солнечного света, было для нее так же естественно, как... как пить кровь. Это еще одна часть того... того, чем мы все стали. Часть, к которой они не готовы.

Рамона села прямо на скользкий пол, уставилась на свои ноги, сгибая и разгибая шишковатые, когтистые пальцы. К

некоторым вещам она тоже не была готова. Но выбора у нее не было. Возможно, не было ничего плохого в том, что Дарнелл и Дженни держались за все, что могли, из прошедших дней.

Я не должна торопить их, решила Рамона. Кроме того, у нее и без того хватало своих проблем.

Всю ночь, до того как Джен подошла к ней, Рамона лежала и пыталась определить причину побуждений, которые она испытывала. В дни, предшествовавшие переменам, она всегда хорошо осознавала свои настроения и мотивы. Перемены привели к появлению совершенно нового набора причин и следствий, большинство из которых Рамона познала путем проб и болезненных ошибок. Список опасностей превратился в своеобразную мантру:

Остерегайтесь солнца; оно сжигает плоть.
Остерегайтесь недостатка крови; голод возьмет верх.
Остерегайтесь слишком большого количества крови, ее вида и запаха; голод снова возьмет верх.
Остерегайтесь своих сородичей, они повсюду.

Странно, но для Рамоны, которая никогда не была поэтессой, поток слов развивался естественным образом, ритм возникал из какого-то скрытого места внутри нее, от внутренней песни, которая больше не маскировалась звуками бьющегося сердца.

Сегодня, однако, Рамона боролась с новым желанием. А если не новое, то гораздо более сильное, чем она чувствовала раньше.

Жавон.

Рамона знала, что девочку отправили в Хейсбург, ее мать надеялась, что маленький городок будет более снисходителен, чем город, к ошибкам, из-за которых Жавон чуть не погибла — и погибла бы, если бы не Рамона. Присутствие смертной девушки было причиной, по которой Рамона привела сюда

своих друзей. Нападение Шабашов было лишь полезным предлогом. Иначе Дарнелл, по крайней мере, стал бы сопротивляться, не потому, что у него были какие-то лучшие идеи, а потому, что он так поступал. Они с Джен последовали за Рамоной, потому что их занесло в этот новый мир ночи. Рамона непреднамеренно наткнулась на цель — или, скорее, на намек на цель.

Жавон.

Что же, задавалась вопросом Рамона, притягивало ее к этой девушке, что столько ночей, сознательно или нет, направляло шаги Рамоны к этому району, к этой пожарной лестнице, к этому окну? Она хотела бы знать, потому что снова почувствовала притяжение улиц, и хотя Рамона еще не изучила подробно этот новый город, она знала, где — или с кем — она окажется.

Однако, как и в течение последних нескольких часов, Рамона отказала себе и осталась в начальной школе. Она сидела одна в центре спортзала и смотрела, лишь наполовину видя, в тень, где когда-то дети играли, занимались спортом, возможно, их заставлял танцевать квадратные танцы какой-нибудь учитель-садист.

Почему бы мне не пойти к ней? — подумала Рамона. — Именно поэтому мы здесь — почему я привела нас сюда.

Не успела эта неизбежная мысль прозвучать в ее голове, как Рамона оказалась на улице. Она инстинктивно отпрянула от резкого света уличных фонарей. Смутные мысли тянулись к ней, но их сдерживала защитная броня ее сверхбдительных физических чувств: хор сверчков почти заглушал хлопанье крыльев летучей мыши у карниза школьного здания; насыщенный, землистый запах удобрений для газонов смешивался с рассеянными испарениями промышленности, витавшими над городом; асфальт под ногами скребся о подушечки ее толстых подошв. Рамона отдалась ощущениям.

Ее мощные мышцы и острые рефлексы не требовали направления, чтобы двигаться быстро, но осторожно, чтобы не попасться на глаза — не то чтобы в этот час в сонном городке кто-то шевелился, но открытые, чудовищные ноги Рамоны больше не позволяли ей смешиваться со смертными. Она бродила без цели, но прекрасно знала, куда ведет ее блуждающий путь неизбежно приведет к этому.

Школы больше не было видно. В нескольких кварталах от школы залаяла собака, началась небольшая цепная реакция, к которой присоединились еще две, и так продолжалось около двух минут — гораздо дольше, чем можно было вспомнить, из-за чего они начали лаять. Рамона проигнорировала менее сильное желание найти одну из них, свернуться калачиком рядом с ней и наслаждаться теплым комфортом бьющегося сердца и влажного языка. В чем-то она была очень похожа на них, но в то же время сильно отличалась от них.

В конце концов, Рамона обнаружила, что стоит перед небольшим домом в стиле ранчо в ряду других, лаконичный прямоугольник красных кирпичей, почти черных в темноте. Как мало, поняла Рамона, люди в этих маленьких безопасных домиках знали о том, какую жизнь она вела, будучи смертной, и уж тем более о том существовании, которое теперь выпало на ее долю.

Мать Жавона была права, отправив ее сюда, подумала Рамона. В мире было слишком много ловушек, чтобы не искать каждую опасность в городе. Рамона забралась на низкую ветку дерева напротив окна — окна.

Откуда я знаю? — задалась она коротким вопросом, но больше не пыталась ответить на все вопросы, тех вопросов, которые стояли перед ней. — Я знаю.

И когда ее звериный взгляд раздвинул непроглядную тьму, она поняла, почему она была права, опасаясь приходить в это место.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:31 AM
Медоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Красные, сверкающие глаза преследовали Жавон во снах, и когда она переступала порог между сном и бодрствованием, все остальное исчезало, менялось.

Но глаза остались.

Жавон напряженно моргнула. Она знала, что все еще не видит сон, но чувствовала себя не совсем выспавшейся. Глаза все еще были там, за окном.

Разве они не должны уехать? спросила она сонно. Я не сплю. Они должны уйти.

Она вполголоса подумала, не позвать ли тетю Ирму — тетя Ирма была такой же злой, как мама, и в три раза больше; с тетей Ирмой никто не шутил, — но для Жавон близость тети, сами стены дома вокруг них казались менее реальными, чем эти красные глаза.

Наблюдение.

Жавон не проснулась от испуга. Она не бежала с криком от глаз за окном, но в глубине ее души звучал голос, призывающий к осторожности. Позови тетю Ирму, сказал он. Позвони в полицию. Сделай это сейчас.

Это был мамин голос, или голос, который всегда был внутри Жавон, но который она обычно игнорировала? Она знала, что в этот раз она была права — волосы встали дыбом на руках и затылке, но это был такой маленький голос, и с каждой секундой он казался все более далеким.

В ее памяти всплыли старые опасности — нападение, странная пара ботинок на пожарной лестнице. Но это было в городе. Дома.

Вызовите Ирму... вызовите полицию... сейчас же.

Голос прерывался, как слабая радиостанция. Нет. Это не помехи, заглушающие слова, поняла она. Это другой звук. Белый шум ее собственной крови, звук пульса, усиленный, как будто она держала гигантские ракушки над ушами.

Ирма... сейчас...

Море крови омывало голос, уносило его далеко-далеко, пока не осталось только неумолимое стремление и притяжение океана.

Жавон смотрела сквозь стекло, и изображение перед ней было ее собственным. В этих глазах она увидела мир, окрашенный в кроваво-красный цвет. Она видела себя сидящей в постели, медленно опускающей ноги на пол и натягивающей через голову ночную рубашку.

Голос... что он говорил?

Она увидела собственное тело, округлое, полное жизни. Вены были не так близко к поверхности, и все же оглушительный рев приливной волны наполнял ее уши. Она смотрела, как она тянется за рубашкой, джинсами, туфлями.

Ревущая волна несла ее вперед, заглушая звук ее шагов. Ее зрение помутнело.

Жавон открыла глаза — были ли они закрыты? Она повернула дверную ручку, открыла входную дверь, затем шагнула наружу, в объятия девушки из своих снов.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:40 AM
Медоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Рамона притянула Жавон к себе, крепко прижала девочку к груди.

— Я... Я...— Жавон попыталась заговорить.

Рамона нежно утихомирила ее, погладила тугие колечки волос девушки, погладила впадинку под ухом.

— Я...

— Шшш.

Рамона провела пальцами по лбу Жавона, проследила линию бровей, щек, челюсти. От кожи смертного исходило тепло — настоящее тепло, капилляры, каналы, по которым течет кровь, поддерживающая жизнь, поток, движимый бьющимся сердцем. Пальцы Рамоны спустились по изгибу шеи Жавона и задержались там. Рядом с напряженными мышцами неудержимо пульсировала яремная ямка. Рамона скользнула ртом по натянутой коже. Высунув язык, она ощутила вкус пота страха и предвкушения. Лишь тонкий слой плоти лишал ее того, чего она жаждала.

Теперь ее язык ощущал острый край клыков, опущенных в ответ на ее голод.

Нет!

Рамона боролась за контроль. Она отстранилась, но крик страдания, который она услышала, был не ее собственным.

Жавон упала на колени. Слезы текли по ее лицу.

Настоящие слезы, подумала Рамона. Она поднесла пальцы к собственной щеке, почувствовала там чистую влагу — не кровавые следы — от того места, где она прижималась к Жавону. Настоящие слезы.

Рамона отвернулась от смертной девушки и почувствовала, что пошатывается.

Я не могу. Я не могу! — отчаянно думала она.

Искра смертной жизни, зов схожего человеческого опыта, те самые качества Жавона, которые привлекли Рамону в первую очередь — вот что уничтожит Рамона, если утолит свой голод, и она знала, что так же, как ей не удавалось обуздать свое желание увидеть девушку дольше нескольких ночей, как только она начнет питаться, она не сможет обуздать свой голод.

Я не могу.

Протесты Рамоны становились все слабее.

Я должен уехать отсюда. Я не могу.

Рамона повернулась и, к своему ужасу, увидела Жавона, ползущего за ней.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:46 AM
Мидоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Жавон не могла остановить слезы, которые затуманили ее взор и потекли по лицу. Она видела такую боль и голод в этих красных глазах. Такое желание. Жавон обнаружила, что ползет за девушкой — не желая следовать за ней, но не в силах остановиться. Рациональные мысли уже давно уступили место животному влечению. Ее тело было не в ее власти.

Другая девушка споткнулась об угол дома. Жавон попыталась встать. Мышцы подвели ее. Она продолжала ползти, боясь, что голодная девушка оставит ее позади. Но когда Жавон завернула за угол дома, светлокожая девушка была уже далеко впереди. На самом деле она тоже упала на колени. Она стояла спиной к Жавону.

Жавон сократила расстояние между ними, смутно заметив странные, шишковатые ноги, которые торчали позади другой девушки. И все же предостережения в голове Жавона затихли под натиском океана, вызванного на поверхность.

Жавон была достаточно близко, чтобы коснуться незнакомки, протянула руку, положила ее на плечо девушки.

Когда девушка повернулась лицом к Жавону, Жавон увидела, что прежнее замешательство исчезло под красным голодом в этих звериных глазах. Но что-то... что-то, похожее на отступающую мольбу, на беспомощность, потянулось к Жавону.

— Рамона? — сказала Жавон, не понимая, откуда она знает имя, но уверена, что она была права.

И при звуке этого имени голод взял верх, и зверь оказался на Жавоне.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:52 AM
Медоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Рамона слышала свое имя, знала, что девушка назвала ее. Зверь внутри нее тоже знал. Оно поднялось и ударило, чтобы утолить свой голод.

Рамона рванула воротник рубашки Жавона, разорвала ткань и нанесла яростный удар. Ее клыки вонзились в основание шеи Жавона — сквозь кожу, мышцы, сухожилия, в поисках артерии.

Вот!

Кровь хлынула в рот Рамоны. Те немногие, незначительные кусочки плоти, которые она проглотила, были омыты сладкой кровью, которую мощными толчками качало сильное сердце Жавона.

Девушка была отброшена назад первым ударом Рамоны. Жавон вскрикнула от боли — боли, которую Рамона помнила. Клыки несли в себе одновременно тупую силу молотка и пронзительную агонию тысячи игл, вонзившихся в ногти.

Но потом спина Жавон выгнулась дугой, и ее болезненный стон перешел в нечто иное, когда экстаз кормления взял верх. Рамона знала, что если она будет нежна, то в конце концов сознание Жавона заполнит не боль, а наслаждение.

В конце концов...

Рамона пила жадно. Голод гнал ее вперед. Все ее существо наслаждалось убийством.

Убийство...

Жавон прижалась к Рамоне. Хватка смертной, ее пальцы, впившиеся в обнаженные руки Рамоны, могли бы быть страстной хваткой любовника. Ее голова откинулась назад, и по лицу Рамоны потекли новые слезы.

Биение сердца ее жертвы наполнило Рамону. Тепло распространилось по ее мертвым конечностям, подбираясь к конечностям. Голод заставлял ее брать больше крови. Скоро, знала она, сердце остановится.

Нет!

Рамона сделала паузу в кормлении. Струйка крови стекала по ее подбородку.

Тяга к Жавон и ее привычной смертной жизни не могла сдержать голод — но они должны были! Ностальгия и жажда крови — Рамона знала, что победит. Именно поэтому она держалась в стороне большую часть ночи.

Но она поддалась искушению.

Жавон начала дрожать в руках Рамоны. Вскоре в ее теле больше не будет достаточно крови для поддержания жизни. Она впадет в шок. Она умрет.

Нет… пожалуйста, нет.

Рамона хотела вырваться, убежать в темноту, но с каждым ударом сердца Жавона кровь все больше поступала в рот Рамоны, и новый прилив голода захлестнул ее. Не в силах остановиться, она снова набросилась на зияющую рану, копая глубже, отрывая мешающую плоть, вытягивая как можно больше крови.

Жавон вздрогнула, но она была в плену восторга от убийства. Она не сопротивлялась, но крепче обхватила Рамону, прижала их тела друг к другу так, что они стали единым целым.

Воля Рамоны тоже была направлена на убийство. Знание того, что человечность Жавона исчезнет навсегда, не было полностью утеряно среди сынов Рамоны, что ее собственная будет как-то уменьшена, что в следующий раз, когда голод усилится, она не сможет сопротивляться даже так сильно.

Она совсем потеряла желание сопротивляться голоду, когда деревянный кол вонзился ей в спину — в сердце.

Глаза и рот Рамоны распахнулись. Из ее горла вырвался крик боли и брызги крови.

Жавон жалобно заскулила, когда ее отпустили, и опустилась на землю.

Вторым ударом кол был пробит сквозь оставшуюся часть туловища Рамоны и торчал спереди. Несмотря на свежую кровь в теле, ее конечности охватил сковывающий холод. Она попыталась схватить кол, чтобы протолкнуть его обратно, но силы покинули ее еще до того, как она до него дотронулась.

Когда она перевернулась, как статуя, над Жавоном пронеслась еще одна фигура. Он принюхался к глубокой ране у основания ее шеи, затем облизал края и углубился в отверстие. Кровотечение замедлилось до струйки.

Рамона наблюдала за происходящим, как труп на собственных похоронах — присутствуя, но не имея возможности вмешаться.

Он убьет меня сейчас, подумала она, а потом Жавон.

Но Рамона его больше не интересовала. Он поднял Жавона на руки, и когда он повернулся, чтобы уйти, Рамона с перекошенной точки обзора, подперев бок колом, на мгновение увидела его чудовищный левый глаз. Он выпучился, словно был слишком велик для своей впадины, а по его краям шипел и пузырился студенистый ихор.

Потом он ушел вместе с Жавоном.

И Рамона осталась парализованной, созерцая приближающийся рассвет.

Четверг, 22 Июль 1999, 2:58 AM
Барнард Колледж
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Хадд. Месть.

Какой удачный поворот событий, подумал Анвар, когда за использование особых навыков моего клана платят смертью, которую любой ребенок Хакима с радостью принес бы бесплатно. А до него дошли слухи, что платой за этого кафира был графин старой и крепкой виты. Старого и крепкого. Невероятно, если верить слухам.

Шаги приближались. Инстинктивно Анвар еще глубже погрузился в тень. Он сомневался, что кто-то может увидеть его, когда он этого не желает, но не хотел бросать осторожность на ветер, если только это не станет абсолютно необходимым. Временами риск был неизбежен, но рисковать без необходимости было глупо.

Шаги принадлежали охраннику, одному из смертных, нанятых для обеспечения безопасности в кампусе этого небольшого колледжа, расположенного посреди такого запретного города. Анвар знал, что охранник может быть и пешкой ненавистных колдунов, и поэтому не стал испытывать свои эзотерические способности к сокрытию. Вместо этого он оставался вне поля зрения, пока человек не прошел мимо. Кампус был хорошо освещен, но Анвар нашел тень совы достаточно легко. Он почти смеялся над мыслью, что уличные фонари и вывешенные на видном месте телефоны экстренных служб могут хоть немного отговорить его, если он решит взять одну из молодых женщин, которые учились в этом месте. Летом их здесь было достаточно мало, и ни один из них не был обнаружен в этот час утра. В любом случае, Анвар ими не интересовался.

Он наблюдал за учебным корпусом напротив. Его кирпичный фасад и ухоженный кустарник перед ним были похожи на другие здания, но Анвар был уверен в своих инструкциях. Его собеседник выйдет из этого здания, когда представится возможность. Не должно возникнуть никаких подозрений. Это беспокоило Анвара больше всего — что связной не справится со своей ролью в миссии, что Анвар будет раскрыт благодаря некомпетентности кафира. Против такого количества колдунов у него было бы мало шансов.

Как ни странно, Анвар мало беспокоился о предательстве. Конечно, вполне возможно, что вся миссия была подстроена, что контакт доставит его к Тремере, но Анвар считал это маловероятным. Хотя он и был искусен в своем деле, он не питал иллюзий, что его смерть станет ударом для его клана или благом для врага. Однако больше, чем собственному анализу, он доверял суждению старших. Если бы они сочли нужным приказать ему идти на бессмысленный конец, он пошел бы добровольно и на каждом шагу воспевал бы хвалу Хакиму.

Но пока что Анвар терпеливо ждал. Для всего, что происходит под луной и звездами, должно быть время.

Хадд. Месть.

Четверг, 22 Июль 1999, 3:03 AM
Верхний штат Нью-Йорк

Леопольд бросил бессознательного смертного на заднее сиденье, сел за руль и завел двигатель. Так близко! — подумал он, когда машина пришла в движение и оставила позади маленький городок, такой непоследовательный, если не считать того, что он взял из него.

— Так близко, — мурлыкала муза, вторя его мыслям. Леопольд чувствовал ее влажное дыхание на своей шее.

Он не пытался обернуться, чтобы увидеть ее. Такая опрометчивость, как он узнал, может обернуться плачевно, о чем свидетельствовали различные вмятины на машине и стебли полевой травы, застрявшие в решетке радиатора и бампере.

Леопольд получил некоторое представление о хаотическом взаимодействии Зрения и Не-Зрения, если не контроль над ним. Ему больше не нужно было быть начеку каждую секунду — если только он не был глупцом, — чтобы избежать крутого переворота в его мире. Он почти как фон распознавал бледные элементы, мирской флоксарий своего окружения. Он мог проложить себе путь через этот безжизненный пейзаж, который он всегда знал.

— Так близко, — прошептала ему на ухо муза.

Она дала направление Зрению, и после практики и привыкания он мог теперь смотреть на новый мир, не теряя полностью опоры в старом.

Девушка была из новых.

После нескольких дней утомительной (и опасной, как он привык к Зрению) езды, муза направила его в маленький

городок. Она безошибочно привела его вдоль этого квартала и налево здесь.

Но что это такое?

— Поторопись, — ругала она его. Времени мало, а мы так близко…

С помощью Глаза Леопольд осознал ничтожность, скудоумную безвкусицу своих предыдущих домов — Бостона, Чикаго, Атланты — но если они были эквивалентом художественных фекалий, то этот маленький городок был меньше мошки, греющейся в их благоухающем великолепии.

И все же, чудо из чудес, когда Леопольд пошел туда, куда вела его муза, он нашел то, что, несомненно, станет темой его величайшей работы.

Девушка была в руках другого каинита, одного из немытых, но Леопольд исправил это дело.

Девушка застонала, переместила свое распростертое тело на заднем сиденье и погрузилась, возможно, в кому.

Леопольд бросил на нее осторожный взгляд. В отличие от каинита, смертная резонировала в пределах Зрения. Он понял это, как только прошел мимо ряда бесплотных домов и увидел ее — ее совершенство линий и форм, качество света, отражающегося от ее кожи. Она выходила за пределы бледного мира.

Это, был уверен Леопольд, и есть та тема для работы, которая принесет ему настоящее бессмертие.

Слава Богу, я нашел ее, пока не стало слишком поздно, подумал Леопольд. Этот варвар уничтожил бы ее и лишил цели всей ее жизни!

Леопольд зализывал глубокую рану на ее плече. Его забота спасла ее. Она будет жить. Достаточно долго.

— Так близко… ммм… так близко, — прошептала муза.

Она привела его к его теме. Она найдет для него место уединения и откроет ему подходящие инструменты.

Леопольд помчался на север, прочь от города. Я должен успеть как можно больше до рассвета. Руль был липким от выделений, которые просачивались и капали с Глаза.

Четверг, 22 июля 1999 г., 3:05 AM
Мидоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Ублюдок.

В мыслях Рамона извивалась, стонала, пыталась вырваться из постоянной, острой агонии, которая сотрясала ее тело, но деревянный кол в сердце удерживал ее в полной неподвижности. Сквозь боль она терпеливо ждала конца. Ее тело и сердце были пронзены. Конечно, это была смерть для смертного или вампира. Но были истории, которые она слышала.

Прикончи меня, подумала она. Если кола было недостаточно, то, по крайней мере, нападавший мог нанести последний удар и положить конец боли. Он мог бы избавить ее от еще одной ночи в этом адском существовании.

Нет, она вспомнила. Он ушел.

И он забрал Жавон.

Ублюдок.

Защитный импульс, тот же самый, который бросил Рамону на насильников в городе, снова поднялся в ней. Она вспомнила гротескный глаз нападавшего и представила, как отрывает его от лица.

Но она лежала парализованная. Беспомощная. А боль еще не утихла. Она нарастала в груди, отдавалась во всех конечностях, стучала в голове. Зрение Рамоны потемнело, померкло. Темнота накрыла ее.

Ее глаза снова сфокусировались.

Как долго...?

Небо заметно посветлело. Рассвет был не за горами. Ужас охватил Рамону.

Рассвет. Солнце.

Ее кожа зудела, словно уже первые невидимые лучи лизали ее, жаждали ее плоти, которая должна была потрескаться и сгореть.

Она боролась со страхом. Ее мысли собрались вместе настолько, что она смогла осознать удивление. Какого черта я просыпаюсь? спросила она.

Похититель Жавона вонзил кусок дерева в Рамону, но это было уже не ее тело. Она была не мертва, просто обездвижена.

Только.

Это было все, что требовалось. Солнце позаботится обо всем остальном.

Кто-нибудь может найти меня и отнести в дом до восхода солнца, отчаянно думала она, но она знала, что произойдет скорее всего. Если ее найдут смертные, они примут ее за мертвую, вызовут полицию или скорую помощь, и к тому времени, когда помощь прибудет, тело Рамоны превратится в дымящуюся скорлупу.

Нет. Рамона могла рассчитывать только на себя.

Осознав это, она попыталась очистить свой разум, сосредоточить все свое внимание и энергию на одном действии — ей нужно было дотянуться до кола, схватить его и вытащить из груди.

Иначе она умрет. Ужасно.

И хотя она могла фантазировать о прекращении этого проклятия, которое стало ее новым существованием, ее инстинкт выживания был слишком силен. Она не могла заставить себя просто поддаться жгучей боли и смерти, которые придут с восходом солнца. Этот ужасный образ она тоже заблокировала в своем сознании.

С напряженным усилием она вложила всю свою силу в правую руку, в кисть ближе всего к торчащему колу. Никакие другие физические потребности не имели значения. Сила ее крови, вся сила ее воли могла быть полностью направлена на единственную задачу, которая сохранит ее еще на одну ночь. Она представила, как ее рука берется за кол и протаскивает его насквозь, чтобы его хватка была разрушена. Она напряглась всем телом и душой, чтобы сделать это движение.

И все равно она не могла даже моргнуть. Осознав свою неудачу, она начала паниковать. Спокойствие, рациональный настрой, который Рамона изо всех сил пыталась сохранить, исчез, и ее разум наполнился первобытными воплями банши перед лицом надвигающегося солнечного света. Ее безудержный, животный ужас был не более полезен, чем ее сосредоточенные усилия. Оба они были одинаковы для колючих лучей солнца, только что пробившихся сквозь деревья.

Рамона смотрела прямо перед собой, когда мир заслонил пар, который начал подниматься от мягкой, белой ткани ее глаз. Ей казалось, что она горит изнутри, а потом и снаружи тоже, как от огня сигарет, прижатых к ее телу. Ее губы начали шипеть. Открытая кожа на лице, шее, руках, ногах натянулась. Агония и паника смешались в ней, питая друг друга. Из-за палящего утреннего солнца кол в ее сердце казался не более чем уколом, и у нее не было сил даже бороться.

И тут кол сдвинулся с места.

Сквозь дымку боли Рамона поняла, что ее тело сгорело, что не осталось плоти, чтобы удержать кол на месте. Поэтому он и двигался. Но это было не так.

Рука ухватилась за конец кола между ее грудями. Она почувствовала, что на мгновение приподнялась над землей, когда кол был выдернут. Его выход из ее тела сопровождался тошнотворным звуком всасывания, похожим на шум сапога, вытаскиваемого из грязной земли. Зияющая рана в ее груди была мгновенно прижжена лучами утреннего солнца.

— Глубоко, сейчас же! — Голос зазвенел в ее ушах. Голос, который она слышала раньше.

Лицо незнакомца было близко к ее лицу. Его дикие волосы закрывали солнце. Он обнял ее за плечи.

— Иди! — прорычал он на нее.

Я не чувствую твоего запаха, хотела сказать она. Она чувствовала только запах гари… дыма… собственной плоти.

— Иди, тупой придурок!

Рамона повернула голову.

Я могу двигаться, — рассеянно подумала она.

На нее навалилась сильная сонливость, даже несмотря на жжение. Она снова увидела незнакомца. Он был рядом с ней. Она видела, как он погружается в землю.

Спрячься!

Теперь команда поразила ее. Убежище против огня.

Спрячься!

И она пошла вглубь. Она погрузилась в землю, и земля, прохладная мазь для ее горящей плоти, приветствовала ее.

Спрячься. Пепел к пеплу.

Четверг, 22 Июль 1999, 11:06 AM
Верхний штат Нью-Йорк

Жавон почувствовала, как в висках застучало, как будто кто-то каждые две-три секунды бил ее по голове молотком. Это было в сто раз хуже, чем когда Альвина схватилась за бутылку бурбона. Боль отдавала от висков в уши, а затем в челюсть, мышцы которой напряглись и свело судорогой, хотя рот был открыт. Жавон методично закрывала и открывала рот, работала челюстью, пока мышцы хоть немного не расслабились.

Ей потребовалось столько времени, чтобы собраться с духом и открыть глаза, и еще несколько мгновений, чтобы понять, что они открыты. Она видела только темноту.

Ночь, подумала она. Я в темной комнате.

Но что-то было не так. Многое было не так. Медленно то, что регистрировали ее органы чувств, доходило до мозга, и информация процеживалась через ужас последних часов.

Машина, — смутно вспомнила она. Я больше не в машине. Как долго это продолжалось? спросила она. Минуты? Часа?

А до этого была... девушка из моих снов.

Тупая боль отдавала в шею. Девушка из моего сна, — попытался вспомнить Жавон, — она... она... взяла меня на руки. Она... Но после этого все стало таким туманным.

Боль. Наслаждение. Жавон помнила, как втянула воздух и задержала его, казалось, на целую вечность. Она помнила, что не хотела ничего, кроме того, чтобы это чувство продолжалось, продолжалось и продолжалось.

Потом была машина. Ей стало плохо, но она не смогла вызвать рвоту.

А теперь…? Тьма.

Иглы. Покалывание. От ее рук. Они спали. Обе ее руки спали. За ее спиной. Она попыталась пошевелить ими, но не смогла. В запястьях началась боль другого рода. Жжение. Жжение от веревки. Она поняла, что связана, но была слишком слаба, чтобы что-то сделать, разве что едва заметить. Я привязана. К столбу или чему-то еще. Он был холодный. Как бетон или камень. Она моргнула глазами, но темнота не отступала. Помимо иголок, она чувствовала холод. Глубокий холод. Холод до самых костей. Она попыталась пошевелить ногами, но снова не смогла. Тоже привязана? Ей показалось, что она чувствует сквозь джинсы, как веревка туго завязана вокруг ее лодыжек.

Стук в висках становился все громче и на некоторое время отгонял все мысли. В какой-то момент он отступил. Слабый ветерок прохладно обдувал лицо Жавон. Она начала дрожать — или поняла, что уже дрожит. Она ничего не видела, но чувствовала, что находится в большом, открытом пространстве, в очень большой комнате.

Глаз. Она вдруг увидела изображение большого, отвратительного глаза, проплывающего перед ней в темноте. Этого не могло быть. Должно быть, ее разум играет с ней в дурака.

Стук вернулся. Глаз исчез, если он вообще был.

Мама. Жавон пробормотала это слово. Ее сухие губы на секунду слиплись. Ни звука не вырвалось. В конце концов, она заплакала.

Четверг, 22 Июль 1999, 9:05 PM
Медоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Он ждал Рамону, когда она поднялась с земли той ночью.

— Пойдем со мной.

В голосе незнакомца чувствовалась срочность, но не страх. Хотя солнцезащитные очки скрывали его глаза, случайные движения его головы указывали на то, что он был в курсе всех ночных звуков вокруг них.

Рамона неподвижно лежала на земле. На мгновение она была очарована ощущением того, как ее тело отделяется от земли под ней. Земля встретила ее, приняла и укрыла от солнца. Она принадлежала ей, а она — ей.

Прах к праху.

Теперь она снова была отдельным существом, и что-то неосязаемое было потеряно в этой трансформации — мирное чувство целостности исчезло, его заменили личные потребности момента, боль ее обожженного тела.

У Рамоны пересохло в горле. Глаза были настолько сухими, что веки слипались, когда она моргала, и открывались с трудом.

Незнакомец внимательно наблюдал за ней с того места, где он присел в своей потрепанной одежде. -Пойдем со мной-, — снова сказал он, но на этот раз его слова были менее резкими, как будто он понимал, через какую перестройку между перспективами она проходит.

Конечно, Рамона помнила. Он погрузился в землю вместе с ней. Маленькие комки грязи застряли в его спутанных волосах.

Она пристально посмотрела на него и обнаружила, что его присутствие неохотно успокаивает ее. Он был так похож на нее, поняла она, и в нем не было той тревоги, которая всегда была так заметна в Джен и даже в Дарнелле.

С усилием Рамона облизала покрытые волдырями губы. Солнце изнурило ее, и хотя земля защитила ее, она не исцелила ее. Когда она села прямо, ее кожа потрескалась и разошлась в местах растяжения. Она снова облизала губы и почувствовала вкус крови.

— Называй меня тупым птенцом, — сказала она незнакомцу. — Козел.

Он нахмурился, но вместо ответа повернулся и начал уходить.

Рамона напряглась, увидев, что он уходит. Она не могла отпустить незнакомца! Ее тянуло к нему — этому существу, этому вампиру, который вместе с ней погрузился в защитные объятия земли. Рамона поднялась на ноги. Резкая боль пронизывала все тело, напоминая об огненной смерти, которую она едва не встретила этим утром, но она заставила свои избитые и покрытые волдырями части тела двигаться.

Незнакомец не успел далеко уйти в деревья. Рамона быстро догнала его. Он не оглядывался на нее, но Рамона поняла, что он хотел — ожидал — чтобы она шла за ним, и ее раздражало, как легко она поддалась на его игру. Но что-то было в нем, в каждом его шаге — уверенность, уверенность. Рамона видела таких мужчин на улицах Лос-Анджелеса; не сутенеров или более ярких наркоторговцев, а других, главарей банд, которые шли по улице без всякого страха. Как и они, незнакомец вел себя с неосознанной развязностью. Его шаги были легкими, естественными. Каждое его движение говорило о контроле. Он был полностью лишен страха.

Страх.

Страх был тем, с чем Рамона жила с момента изменения. Она, Джен, Дарнелл, Эдди — все они объединились из-за страха. Страх заставил их покинуть Лос-Анджелес, где так много таких, как они, ходило по ночам по улицам, где таилось слишком много неизвестных опасностей.

Страх оставался их спутником, куда бы они ни отправились. В Техасе эта… тварь — Дарнелл называл ее оборотнем; Рамона не знала, что это такое, и ей было все равно, лишь бы держаться подальше от нее и ей подобных — появилась из ниоткуда и разорвала Эда на куски.

В Нью-Йорке на путешественников набросился Шабаш.

Прошлой ночью какой-то ублюдок с глазом размером с софтбольный мяч ударил Рамону в спину, проткнул ее деревянным колом и унес Жавона.

И ни один из этих кошмаров даже не коснулся личных страхов, которые мучили Рамону — подозрение, страх, что какая-то жизненно важная часть ее земной жизни ускользает каждую ночь.

Незнакомец, находившийся всего в нескольких ярдах впереди, пробирался через лесистую часть маленького городка так, словно ни один из этих страхов никогда не касался его, словно он овладел ими.

Рамона ускорила шаг. Ее ноги подкосились. Она приложила руку к груди, к зазубренной, только слегка затянувшейся ране, где кол пробил себе путь через ее тело. Она чуть было не позвала незнакомца притормозить, но не могла заставить себя признать слабость. Несмотря на мысль, что она могла бы научиться у него, она возмущалась тем, как незнакомец обращался с ней — сталкивался с ней и исчезал, отдавал ей приказы, словно она была его хозяином. Его уверенность, столь неотразимая во многих отношениях, граничила с высокомерием. Рамона не собиралась преклоняться перед ним.

Однако это была лишь одна забота. Когда она, спотыкаясь, шла за ним, в голове Рамоны всплыл образ Жавон, которого унесло то творение с деформированным глазом.

Жавон.

Ноги Рамоны дрожали с каждым шагом.

— Мы должны вернуть ее, — сказала она наконец, думая, что незнакомец остановится, чтобы ответить, и она сможет отдохнуть.

Он не остановился и даже не оглянулся на нее. Он только хрюкнул и продолжил свой путь.

Рамона продолжала идти за ним. Ее мышцы болели после ночи, проведенной в земле. Грудь и спина пульсировали от повреждений, нанесенных колом. Наконец, когда она уже боялась, что не сможет идти дальше, он остановился.

Незнакомец в темных солнцезащитных очках бесстрастно повернулся лицом к Рамоне. Он указал на что-то в тени.

— Там, — сказал он.

— Мы должны вернуть ее, — повторила Рамона, но затем ее взгляд проследил за линией его пальца.

Среди редких зарослей кустарника лежала без сознания женщина, крупная афроамериканка в цветистой ночной рубашке. Рамона хотела закричать на незнакомца, убедить его помочь ей найти Жавон и вернуть ее. Вместо этого Рамона усталыми шагами направилась к женщине. Незнакомец стоял и смотрел, как Рамона опустилась на колени рядом с распростертой фигурой.

— Мы должны... — начала Рамона, но слова застряли в ее пересохшем горле. Она почувствовала, как ее клыки, казалось, по собственной воле, опустились до полного выдвижения.

Женщина на земле была без сознания, но очень жива. Рамона потрогала узел на затылке женщины. Она пришла с незнакомцем не по своей воле — по крайней мере, не по собственному выбору.

Второй раз за столько ночей Рамона не могла управлять своими мышцами, но на этот раз она не была парализована. Медленно она наклонилась вперед, ниже, ближе к беспомощной женщине. Рамона питалась от Жавона прошлой ночью, но потеряла много крови из-за кола. Солнце тоже взяло свое. Чтобы исцелиться, тело Рамоны нуждалось в крови.

Она положила руки на плечо и голову женщины, и что-то в ее лице заставило Рамону задуматься. Кровь нахлынула на нее. Рамона знала эту женщину — или, по крайней мере, Жавон, из которого Рамона пила, знал эту женщину. Рамона уставилась на лицо, и в ее сознании всплыло имя — Ирма. Тетя Ирма.

Мир вокруг Рамоны начал вращаться. На мгновение показалось, что снова была прошлая ночь, и она питалась Жавон, а она была Жавоном. Их кровь смешалась, смешалась.

Глаза Рамоны закатились, когда жажда крови овладела ею.

Остерегайтесь недостатка крови; голод возьмет верх.

Ее клыки вонзились в смертную плоть, и вместе с кровью она почувствовала, как сила возвращается в ее тело. Кровь и сила. Сила и кровь. Она пила и вновь обретала силу. Сердце билось, вливая кровь в ее рот. Сокращения становились все более тяжелыми, но она все равно пила. Издалека донесся голос:

— Ирма! Тетя Ирма.

Жажда крови, которой была Рамона, пила и становилась сильнее, пила до тех пор, пока сердце не перестало биться, пока кровь и жизнь не исчезли в этом теле.

Ирма. Тетя Ирма.

Рамона откинулась на спинку стула, уставилась на тело перед собой — обвисшая плоть, смертный паллор — и поняла, что именно это и стало бы с Жавоном, если бы не вмешалось существо с глазом.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил незнакомец у нее за спиной.

Рамона, ошеломленная своим неистовым обжорством, медленно повернулась, чтобы встретить его взгляд.

— Таннер, — сказал он.

— Что? — Ее голос был слабым. Она отвлеклась на ощущение того, как кровь меняет ее, исцеляет ее мертвую плоть. Отверстие от кола заполнилось и закрылось изнутри. Ее обожженная кожа вновь обрела часть эластичности, но самые страшные волдыри остались.

— Таннер, — повторил незнакомец. — Меня зовут Таннер. Не мудак.

Рамона хотела встать. Она хотела встретиться с ним глазами, но боялась, что упадет, если попытается. Поэтому она смотрела на него с того места, где стояла на коленях рядом с быстро остывающим телом.

— Вы забрали эту женщину из того дома, возле которого мы находились, — сказала Рамона.

Тетя Ирма.

Рамона никогда не была в том доме, никогда не видела своими глазами женщину на земле. И все же Рамона знала.

Таннер не ответил на ее обвинение. Он стоял; он наблюдал.

Рамона отвернулась от него, но ее внимание сразу же упало на тело, на женщину, которая никогда не встанет. Тетя Ирма.

— Ты больше не из них, — сказал Таннер.

Рамона повернулась к нему лицом.

— Ты ничего обо мне не знаешь! — Но она знала, что ошибается. Он вступил на землю рядом с ней. Он принес ей эту женщину, наблюдал, как она питается. Он знал о ней больше, чем она сама.

— Они — пропитание, — сказал Таннер. — Ничего больше.

Он не указал на тело, но Рамона знала, о чем он говорит. Она знала, о ком он говорит.

Жавон.

— Где она? — спросила Рамона с внезапной настойчивостью. — Куда он ее увез?

— Она — ничто, — ровно сказал Таннер. — Пропитание.

Его уклончивость подсказала Рамоне, что она права, что он действительно знает. Ее желудок сжался в тугой узел. Крошечные капельки кровавого пота выступили на ее неживой коже. Все мысли о том, чтобы узнать от него о ее новом существовании, исчезли, потерянные для растущего принуждения, которым был Жавон.

— Ты наблюдала за мной. Ты видела его, — сказала Рамона.

Она с трудом поднялась на ноги и сделала шаг к нему.

— Ты следил за мной с тех пор, как мы были в городе. Ты видел его.

Она могла видеть нападавшего, странный глаз, точно такой же, как тогда, когда она лежала на земле с колом в сердце.

— Ты не спас меня сразу. Ты последовал за ним, — догадалась она. — Куда он ее увел?

Таннер демонстративно сложил руки.

— Я не спас тебя сразу, потому что тебе нужно было выучить урок.

— Где она?

— Ты все еще не научился этому. Приветствуй солнце, а ты все еще не научился.

— Мне не нужен твой урок! — Рамона схватила его за рубашку.

Таннер ничуть не пошевелился. Хотя Рамона вцепилась в его рубашку, он чувствовал себя так, словно был камнем, вросшим в землю.

— У тебя нет выбора, — сказал он. — Ты научишься... и выживешь.

Рамона отпустила его и сделала шаг назад. Она увидела свое собственное озадаченное выражение в его черных очках.

Нет выбора.

— Угроза? — спросила она.

Но он дважды спас ее — один раз от шабаша, другой — от солнца. Разве он не показал себя если не другом, то союзником? Рамона настороженно смотрела на него. Он ждал с нетерпением, но чего? Не похоже, чтобы он собирался напасть на нее, но он показал, что может двигаться с головокружительной скоростью.

— Я знаю, что мне нужно держать свою задницу подальше от солнца, — сказала она с усмешкой.

Таннер остался невозмутимым.

— Ты узнал это в первую ночь после Объятий, дитя.

— Не называй меня...!

Удар в челюсть заставил Рамону попятиться. Она споткнулась о тело позади себя и тяжело упала на землю, но через мгновение она снова была на ногах и готова защищаться.

Таннер стоял со скрещенными руками, как будто не двигался. Его абсолютное спокойствие нервировало Рамону и отгоняло все кратковременные мысли о нападении.

— Ты больше не из смертных, — сказал он, указывая на землю у ног Рамоны.

Не на землю, поняла она, а на свои ноги, чудовищные и деформированные, какими они были. Огонь угас внутри Рамоны. Ей вдруг стало стыдно, стыдно за свое уродство, за то, во что она превратилась.

— Знай, что ты Гангрел, — сказал Таннер. — И что я твой сир. Я сделал тебя тем, кто ты есть.

Рамона пошатнулась назад, как будто он снова ударил ее. Первые слова улетучились. Они не имели для нее никакого значения. Гангрел... Сир... Но его последнее заявление...

Я сделал тебя тем, кто ты есть.

У Рамоны зазвенело в ушах. Она вдруг остро ощутила стянутость кожи — волдыри, повреждения, нанесенные ей солнцем, которые даже кровь не смогла полностью залечить.

Я сделал тебя тем, кто ты есть.

Холодное тело лежало перед ней, между ней и этим незнакомцем, этим существом, так бесспорно похожим на нее. Мертвое тело ее прежней жизни, живой труп ее нового ада.

Знай, что ты — Гангрел.

— Он забрал девушку и уехал на север из города.

Рамона подумала, что эти слова произнес Таннер, но она посмотрела туда, где он стоял, и он исчез.

Четверг, 22 июля 1999 г., 10:00
Вверх по штату Нью-Йорк

Глаз привел Леопольда в сознание раньше, чем он проснулся бы в противном случае. Несмотря на глубину пещеры, которая защищала его от прямого воздействия, его разум и тело были погружены в густую летаргию, которая обычно овладевала им до полного захода солнца. Он приподнялся и сел на холодный каменный пол, вытирая с лица прозрачный ихор, который постоянно стекал вокруг Глаза. Периодический дискомфорт был достаточно малой платой за те знания, которые он получил.

Этот путь манил музу.

Леопольд последовал за ним. Извилистые туннели были еще менее реальными, чем тогда, когда он пришел сюда рано утром. Черные каменные просторы исчезали в пустоте. Эхо каждого шага беспрепятственно долетало до самой стигийской бездны.

Леопольд жил со взглядом художника. Как смертный, он не замечал ни одной детали. Он видел не бескрайнюю пустыню, а каждую песчинку.

После его Воплощения то, что раньше было естественным, превратилось в борьбу. В то время как творческий порыв остался за пределами смертности, способность реализовать этот порыв осталась. Леопольд барахтался, отчаивался. Со временем он пришел к тому, что ему придется довольствоваться тем, что есть, чтобы компенсировать потерю того, что он не мог восстановить. Одержимость деталями уступила место одержимости отсутствием — эстетике оцепенения пустоты. Он нашел определенную истину среди своих ограничений.

И смертная деталь, и неживая потеря, как-никак, были всего лишь гранями Незрячего. Его величайшее земное достижение теперь будет для него лишь бледным призраком. Как Леопольд жалел тех, кто был таким же, как он. Око позволило ему

увидеть, насколько ничтожным было все то, чем он дорожил. Когда он пробирался по пещерам, ему казалось, что он пересекает огромную пустоту. Ни одна из окружающих его гор не была реальной для Зрения, и незрение, мучившее его последние недели, исчезало, словно старая память о юношеском любовнике. Леопольду было все равно, что его правый глаз покрылся коркой ихора. На самом деле он был рад избавиться от ограниченного и запутанного зрения перспектива. Зрение преобладало.

Перемена произошла где-то в течение предыдущей ночи — после того, как он добился девушки, после того, как он поспешно поехал на север в лесистые горы. Было ли это, когда он вошел в пещеры, или до этого, когда он шел по лесу с девушкой через плечо и музой, ведущей его по дороге?

Сюда.

Она все еще вела его. Он доверял ей беззаветно, она была проводником его просвещения. Он был Избранным. Он достигнет такого величия, что его имя будет прославлено в веках и превознесено выше, чем имя даже Тореадора. Леопольд станет Тореадором — это имя будет уже не просто обозначением клана, а титулом, его титулом, и он будет мерилом всех предшествующих и последующих.

Сущность жизни, красоты… муза мурлыкала ему на ухо.

Леопольд наклонил голову. Странно, подумал он, что по мере того, как Зрение становилось все более мощным и раскрепощенным от прежнего видения, он все еще не видел более полно красоту музы. Только краткие проблески.

— Терпение, — успокаивала она его.

Его краткое сомнение рухнуло, как только он шагнул в сияние своего объекта. Девушка была там, где он оставил ее, когда на рассвете бежал вглубь пещеры. Она прислонилась к

двенадцатифутовому сталагмиту, ее руки были связаны за спиной. Она была слишком слаба, чтобы бороться. Ночью она опорожнила мочевой пузырь. Резкий запах, являющийся признаком живого мира, привел в порядок все органы чувств Леопольда.

Да... жизнь... красота. Его мысли направлял зов музы.

Он знал, что у него нет причин сомневаться в ней. Разве не она привела его к его предмету? Разве не она привела его в это место славного одиночества? Оставалось только предоставить ей средства — инструменты. По ее приказу он оставил свои молотки и зубила, инструменты неведения, какими они были.

Он стоял перед девушкой. Только она одна была реальной среди неосязаемого окружения пещеры. Зрение открыло ему ее — насыщенный загар ее кожи, похожей на свежевспаханный суглинок; туго завитые колечки, словно ползущие по земле лианы; угол ее головы, склоненной вперед, как подсолнух перед рассветом.

— Доведи ее до конца, — прошептала муза.

— Но... как? — пробормотал Леопольд. Он все еще не понимал до конца. Как он мог сделать то, о чем она просила?

Я покажу тебе, сказала муза, взяв его за руку.

Четверг, 22 Июль 1999, 10:04 PM
Медоувью Лэйн
Хейсбург, Нью-Йорк

Рамона не могла уловить запах Таннера, но как долго он наблюдал за ней, причем она уловила намек на его присутствие лишь несколько раз, и то в основном тогда, когда он хотел, чтобы она знала, что он рядом? Она не знала, что у него на уме, и не собиралась оставаться здесь и выяснять это.

Молча она пошла обратно к дому. Рамона все время видела тело тети Ирмы, брошенное среди деревьев. Тетя Ирма — она мне не тетя, напомнила себе Рамона, но угрызения совести, что она оставила тело в таком укромном месте, где его могли не найти в течение нескольких дней, не покидали ее. Рамона не могла избавиться от неприятного чувства предательства родства, и в каком-то смысле Ирма была кровной родственницей, ведь кровь Жавона все еще текла в теле Рамоны. Не говоря уже о крови самой Ирмы.

А как же все остальные? Рамона рассердилась на себя за то, что сама могла быть виноватой. Пить чью-то кровь не делает их семьей — а у меня чертовски большая семья. Она отогнала эти нелепые мысли. Она не могла взять на себя ответственность за каждого смертного, который попадался ей на пути. Нет, если она хочет выжить.

Пропитание. Ничего больше.

Хотя многие шрамы от утреннего солнца остались, силы Рамоны в основном вернулись благодаря вливанию новой крови. Она проскользнула в дом и нашла то, что искала — ключи от старого бьюика перед домом Ирмы.

Когда она отъехала от обочины, ее переполняли противоречивые мысли и эмоции. Дважды, с Жавоном и затем с тетей, Рамона теряла контроль над собой. Жажда крови

захлестнула ее. Только неожиданное нападение спасло Жавона. Ирме не так повезло — если то, что ее спасло то существо с глазом, можно назвать везением. Рамона ничего не знала о нападавшем. Она не могла объяснить неестественный, выпуклый глаз, который она видела, лежа в парализованной агонии. Сейчас для Рамоны самым важным было найти Жавона.

Зачем? Чтобы ты мог убить ее, пока это не сделал кто-то другой? — спросила она себя.

Это был вопрос, на который Рамона не могла ответить, но то же принуждение, которое заставило ее следовать за девушкой, попробовать ее кровь, двигало Рамоной и сейчас.

Я буду контролировать голод, пообещала она себе. О деталях она побеспокоится позже. Сначала ей нужно было найти Жавона.

Слова Таннера преследовали и ее мысли.

Я сделал тебя тем, кто ты есть. Гангрел.

Он сделал ее вампиром. Это казалось очевидным. Почему? Почему она? И что еще он знал, что ей нужно было узнать? Он что-то говорил об уроке. Но Рамона все еще чувствовала укус его руки на своей челюсти. Я не собираюсь выполнять приказы этого придурка. Я никогда не просила об этом.

Но он, казалось, знал гораздо больше, чем она. Рамона вытеснила эту мысль из головы. Жавон.

Вот на чем ей нужно было сосредоточиться.

Он забрал девушку и уехал на север из города. Так сказал Таннер.

Рамона не знала дорог в округе. Она не знала, что находится к северу, кроме гор Адирондак, но почему-то у нее было невозможное чувство, что она сможет найти Жавона.

Не спрашивай, девочка. Просто иди, сказала она себе. Слишком долгие размышления могли заглушить это чувство, оставить ее беспомощной. Поэтому она повернула машину на север. Но другая мысль заставила ее остановиться.

Джен. Дарнелл.

Что ей делать с ними? Не надо их в это впутывать, подумала она. Это мои хлопоты, а не их. Но что, если они уже в этом замешаны?

Жавон пропала на целый день. Ирма вызвала бы полицию, а в таком маленьком городке, как этот, догадалась Рамона, они не заставили бы расстроенную тетю долго ждать, прежде чем начать поиски. Что, если бы полиция обыскала заброшенную начальную школу? Это казалось очевидным местом, где можно спрятаться. Рамона развернула машину так быстро, как только могла, чтобы не показаться слишком безрассудной. Было еще не так поздно, чтобы улицы были пусты, и ей не нужно было, чтобы кто-то узнал в машине Ирмы какого-то странного человека за рулем и вызвать полицию.

Рамоне казалось, что она ползет через весь город к школе, но наконец она добралась до нее. Снаружи все выглядело так же, как она оставила это накануне вечером.

Она обошла здание сзади и залезла через разбитое окно, которое они нашли. Рамона добралась до спортзала, и ее встретила темнота и тишина.

Подвал? Она задумалась, но решила, что у нее нет времени на поиски своих друзей.

— Ребята, это я, — позвала она.

Она слышала, как они поднимались по лестнице — громкие шаги Дарнелла, менее осторожные шаги Джен — хотя Рамона могла сказать, что они думали, что ведут себя тихо. Дарнелл переступил порог лестничной площадки и вошел в спортивный зал, но ничего не сказал.

— Рамона !— Джен с облегчением увидела свою подругу. — Полиция была здесь днем. Мы боялись...

— Какие-нибудь проблемы? — Рамона прервала ее.

Дарнелл покачал головой.

— Они просто немного поковырялись и ушли. Ничего особенного.

Рамона знала, что все гораздо серьезнее. Все трое знали, насколько уязвимы они были днем. Прямой солнечный свет или нет, но не было никакой гарантии, что кто-то из них сможет защитить себя, пока дневной сон цепляется за них. Даже небольшая группа смертных могла оказаться смертельно опасной. Но Рамона не хотела вникать во все это.

— Пойдем, — сказала она.

Джен начала двигаться вперед, но остановилась, увидев, что Дарнелл не двигается.

— Куда? — спросил он.

Куда бы он ни увез Жавона, — чуть не сказала Рамона, но остановилась, потому что в глазах Дарнелла читалась тревога. Что бы он сделал, если бы узнал, что причиной столь частых отлучек Рамоны был смертный? У Рамоны не было времени отвечать на вопрос Дарнелла.

— Боже мой! — сказала Джен, забыв о своей нерешительности и пересекая зал, чтобы подойти к Рамоне.

— Что случилось? — Она потянулась к большому кровавому пятну на груди Рамоны, но остановилась прикоснуться к пятну. Не осознавая, что она это сделала, Джен понюхала кровь на расстоянии.

— Какой-то ублюдок вогнал кол в мое сердце, и я иду за ним, — сказала Рамона, говоря правду, не будучи полностью правдивой. — У нас не так много времени.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и вышла из школы. Шаги Джен с самого начала следовали за ней. Дарнелл шел неохотнее, но и он догнал их, когда они дошли до старого бьюика.

Когда они ехали прочь от школы и города, Дарнелл впереди рядом с Рамоной, Джен на заднем сиденье, Рамона рассказала им, как нападавший подкрался к ней сзади и вонзил кол в ее тело. Она рассказала, как беспомощно смотрела, как он уходит, и о выпуклом, сочащемся глазе. Это заинтересовало их настолько, что она обошла стороной любое упоминание о Жавоне или Таннере.

— Кол в сердце? — недоверчиво спросила Джен. — И ты вытащила его? Ты… выжила?

— Я здесь, не так ли? — сказала Рамона.

Ей было неловко вводить в заблуждение своих друзей, но еще больше ей было не по себе от мысли рассказать им об этом. Почему, она не знала. Что-то, связанное с Жавоном и Таннером, было слишком личным, как и неспособность Рамоны контролировать себя в присутствии крови. Ее мысли были слишком запутаны, чтобы открыться кому-то еще. Дарнеллу и Джен не нужно об этом знать, решила она, не сумев успокоить свою совесть.

— Что это? — спросила Джен с заднего сиденья.

— Что? — спросила Рамона, сбитая с толку. Она почувствовала пальцы коснулись ее уха, и она рывком отвернула голову от Джен. — Что ты делаешь? — Рамона подняла свою руку к уху. Кровь не шла. Затем она почувствовала то, что должна была заметить Джен. Кончик уха Рамоны, вместо того чтобы быть округлым, как должно было быть, поднялся к острию. Задний край, покрытый короткими густыми волосами, немного загибался — как у животного.

— Что за...? — Рамона пощупала левое ухо. Оно было таким же, как и правое.

— Рамона? — Джен нервно спросила. — Ты в порядке?

— Я в порядке. — Она чувствовала, как Дарнелл смотрит на нее с места пассажира.

Он почти ничего не говорил с тех пор, как они сели в машину, вместо этого он занимался тем, что барабанил пальцами по двери или шаркал ногами, слушая Рамону. Он по-прежнему смотрел на нее, на ее ухо, но его мысли, как обычно, были заняты прагматическими вопросами.

— Ты знаешь, куда мы едем? — спросил он.

Рамона сжала пальцы на рулевом колесе. Его вопрос был еще одним, о котором она старалась не думать. Прошлой ночью она проделала путь почти прямо к дому, где остановился Жавон, хотя Рамона никогда там не была и даже не видела его раньше. Сегодня она ехала по незнакомым дорогам. Она поворачивала, когда это казалось правильным. -Да, — сказала она, — я знаю.

— Что с тобой происходит?— Джен прошептала, но слова прозвучали как гром для воспрянувших чувств Рамоны.

Она посмотрела через плечо на свою спутницу, затем на Дарнелла. На его губах застыл тот же вопрос. На этот раз Рамона ответила совершенно искренне.

— Хотела бы я, Господи, знать, — сказала она, не в силах сдержать неуверенность и страх, закравшиеся в ее голос.

Следующие полчаса они ехали в молчании. Прошла середина ночи. Рамона следила за дорогой, но старалась не думать о ней. Выбирать повороты казалось проще, если она не обращала на них слишком много внимания. Когда она сознательно пыталась понять, куда идет, в ее мысли закрадывались сомнения. Она была уверена, что ведет своих друзей в безнадежную погоню за дикими гусями, что в любой момент они потребуют, чтобы она развернула машину и отвезла их обратно в Хейесбург, в относительную безопасность школы. В конце концов, именно в таком же отдаленном районе Эдди встретил свой конец. Она содрогнулась при мысли, что, возможно, везет их всех на верную смерть.

Она старалась избегать этих мыслей, загонять их обратно, как только они всплывали. Она думала вместо Жавон — о вкусе ее пота и крови, о запахе страха и предвкушения, о том, как естественно было обнимать девушку, чувствовать пульсацию ее лопаток, изгиб ее спины.

В голову лезли и другие мысли.

Я сделал тебя тем, кто ты есть.

Рамона выглянула в окно, увидела все более редкие признаки цивилизации, и ей стало интересно, как Таннер так долго тайно следил за ней. Очевидно, он следил за ней в Нью-Йорке и из города. Следил ли он за ней до этого? Если он действительно сделал ее такой, какая она есть, значит, он был в Лос-Анджелесе. В ночь перемены именно он взял ее сзади, заставил откинуть голову назад и...

Она потрясла головой, чтобы прояснить мысли. Куда ты идешь, девочка? спросила она себя. Но разве это не всегда был вопрос?

Без предупреждения Рамона ударила по тормозам. Джен врезалась в спинку передних сидений. Дарнелл уперся руками в приборную панель. Так же внезапно Рамона перевела Бьюик на задний ход и нажала на педаль газа. Джен опрокинулась на пол.

— Какого черта...? — Дарнелл боролся за вертикальное положение.

Машина двигалась зигзагами, почти неуправляемая, но не совсем, когда Рамона понеслась назад по узкой проселочной дороге. Фары заднего хода погрузили всю ночь в кромешную тьму.

— Рамона...! — Джен забиралась на спинку водительского сиденья.

Рамона снова ударила по тормозам. Машина понеслась назад и остановилась. Джен и Дарнелла отбросило на сиденья. Рамона выключила фары и некоторое время пристально смотрела в окно, пока ее подруги приходили в себя.

— Вот так, — сказала она и снова включила передачу на Бьюике.

Она свернула с тротуара на неровную грунтовую дорогу. Рамона никогда раньше не ездила на четырех колесах, и она подозревала, что Бьюик тоже. Даже в темноте она могла видеть дальше без фар, но по мере того, как машина набирала скорость, каждый крутой поворот становился все труднее. Они перепрыгивали через размытые овраги. Кусты и ветки деревьев хлестали машину.

— Какого черта ты делаешь? — крикнул Дарнелл. Рамона не отрывала глаз от грунтовой дороги. Очередной поворот заставил их повернуть рыбий хвост. Заднюю часть машины занесло, она отскочила от дерева, но Рамона продолжала ехать.

Она держала руль так, чтобы держаться. Джен и Дарнелл отскочили от боков и крыши машины.

Рамона не боролась с внушением, которое заставляло ее и ее друзей идти по этому самоубийственному пути. В чем смысл? спросила она. Она не смогла удержаться от Жавона, не смогла удержать себя от того, чтобы не питаться сначала Жавоном, а потом тетей Ирмой. Почему должно быть иначе? В этом смысле она, как и Дарнелл с Джен, была просто на подхвате.

Бьюик врезался в другое дерево. Одна из выделяющихся фар разбилась. Мгновение спустя низко висящая ветка врезалась в лобовое стекло. По стеклу побежали трещины, похожие на молнии.

— Рамона! — Дарнелл был в нескольких дюймах от ее лица кричал во всю мощь своих легких.

Она снова ударила по тормозам. Машина заскользила в одну сторону, затем в другую, затем, среди облака пыли, остановилась.

Тишина. Рамона смотрела прямо перед собой.

На заднем сиденье Джен вернулась к смертной жизни — гипервентиляция.

Дарнелл сердито посмотрел на Рамону.

— Какого хрена, что ты делаешь?

Рамона уставилась на машину перед ними, машину, перед которой Бьюик остановился всего в двух или трех футах — темный седан с номерным знаком штата Джорджия.

Теперь Дарнелл увидел машину. Он моргнул, не веря.

— Будь я проклят.

Пятница, 23 июля 1999 г., 12:45 AM
Верхний штат Нью-Йорк

Терпение.

Но как мог Леопольд быть терпеливым перед лицом открытия, которое стало кульминацией стольких лет жизни и нежизни?

Терпение... или ты сломаешь ее, — предупредила муза. Это правда, рассеянно подумал он. Девушка легко отключилась от сознания, и, хотя она не нужна была ему в сознании, плоды его труда были более сладкими.

Не умаляет ли ее хрупкость ее совершенства как объекта? — задался вопросом Леопольд.

Он сделал шаг назад и полностью сфокусировал зрение на ней. По мере того как он это делал, его сомнения успокаивались, как крики младенца, которого успокаивает материнское молоко. Эта работа превосходила все, что он когда-либо пытался сделать, и, что самое примечательное, он больше не ковырялся в ней, неуклюже пытаясь угодить музам. На этот раз она взяла его за руку, и он увидел правду. Он почувствовал ее. Она струилась по его телу слаще, чем кровь любого смертного.

Суть жизни. Суть красоты.

Они принадлежали ему! И горе каждому Тореадору, который когда-либо принижал его.

Никогда больше! поклялся он. Они склонятся передо мной!

Терпение, напомнила ему муза и вернула его к поставленной задаче.

— Да. — Его шепот поднялся и эхом разнесся по всей пещере.

Звук, казалось, слегка оживил девушку. Леопольд наклонился к ней. Она наполнила его зрение. И снова он был намерен лишь раскрыть суть истины.

Пятница, 23 Июль 1999, 1:08 AM
Верхний штат Нью-Йорк

Находясь в машине, Рамона позволила Дарнеллу взять инициативу на себя. Не то чтобы кто-то из них, даже Джен, не мог пойти по следу. Похититель не предпринял никаких видимых усилий, чтобы скрыть свой уход. Более красноречивым, чем его тяжелые следы и погнутые и сломанные ветки, был след из молочно-зеленой слизи, который вел от машины и образовывал прерывистую тропинку в лес.

Дарнелл принюхался к одной из куч помоев.

— Ублюдок мог бы с таким же успехом оставить след из использованных резинок.

Пока Дарнелл вел их вперед, Рамона постоянно оглядывалась то в одну, то в другую сторону. Она заглядывала в густые заросли.

Джен, стоявшая позади Рамоны, заметила.

— Может быть...

— Нет.

Рамона знала вопрос, который был на уме у Джен, она поняла это по тому, что Джен была очень нервной и запахом страха, который ее окружал.

— Вы думаете, он оставил ложный след? — спросила Джен, смущенная невысказанным упреком и пытаясь скрыть вопрос, который она хотела задать.

Рамона покачала головой.

— Он не был из тех, кто крадется.

— Тогда как он подкрался к тебе? — спросила Джен.

Рамона сначала не ответила. Она открыла рот, чтобы рассказать им обо всем — о Жавоне, Таннере, — но потом закрыла его, не сказав ни слова.

Им незачем знать, — подумала она.

Дарнелл, похоже, ухватился за идею найти того, кто ранил Рамону, и надрать ему задницу, и Джен согласилась. Зачем запутывать проблему? Позже будет время рассказать больше.

— Я была занята, — наконец сказала она, не поворачиваясь, чтобы встретиться с Джен взглядом. Рамона добавила: — Следи внимательно, — и услышала, как Джен напряглась. Рамона знала, что Джен беспокоилась не о ложном следе. Дело было в оборотнях — оборотней было больше, чем вампиров, в конце концов, — и в том, что случилось с Эдди.

У Рамоны были другие заботы. Она не притворялась ни перед собой, ни перед другими, что не боится этих чудовищ. Любой был бы сумасшедшим, если бы не боялся. Но беспокойство не спасет ее шею. Рамона знала, что здесь, вдали от города и даже от маленьких городков, если бы там были оборотни, она и ее друзья оказались бы в полном дерьме. Но они ничего не могли сделать, кроме как смириться с этим, если это случится. Или бежать обратно в город. И покинуть Жавон.

Рамона не была готова к этому.

Однако Рамона следила не за этими существами, не за когтями и рычащей смертью. Однако у нее было тревожное чувство, что за ней наблюдают, — то самое чувство, которое она часто испытывала в последнее время, то самое чувство, которое, должно быть, почувствовал Жавон, когда Рамона притаилась у окна спальни девушки. Рамона не отставала от Дарнелла, но ее внимание было приковано к теням среди деревьев.

Таннер.

Она знала, что он где-то там.

Он ли это? — спросила она, начиная сомневаться в своей интуиции. Мы ехали пару часов. Мог ли он продержаться так долго?

Вокруг простирался непроницаемо темный лес. Странные ночные звуки дикой природы заставляли каждую тень ожить. Щебет каждого насекомого, каждый лист, трепещущий на ветру, также напоминали Рамоне о том, что случилось с ее ушами. Они дергались; они настраивались на каждый звук. Это были уши не человека, а зверя.

Так же, как и ее ноги больше не были человеческими ногами.

Ты поддался зверю. Это были слова Таннера. Я сделал тебя тем, кто ты есть.

Таннер, который был чертовски уверен в себе. Казалось, он знал все, мог сделать все.

Я могла бы это сделать, — наконец решила Рамона. Я могла бы преследовать машину на протяжении сотни миль и остаться незамеченной. И Таннер, конечно, мог. Как далеко он проследил за ней без ее ведома? Весь путь из Лос-Анджелеса?

Дарнелл сделал паузу, чтобы принюхаться к новой кучке слизи. Возможно, дело было в качестве лунного света или в том, что свет проникал сквозь полог леса, но Рамона была уверена, что многие кучки слизи были разных цветов — одни зеленоватые, как первые несколько, другие гораздо темнее, почти черные, некоторые более прозрачные, а третьи — тошнотворно зеленые и темно-малиновые, как смесь крови и густой желчи. Но дурной запах был тот же самый. Дарнелл подтвердил это, недовольно сморщив нос.

От машины тропа уверенно вела вверх, в предгорья Адирондакских гор. Подъем был бы утомителен для смертного, но Рамона была полна бодрости свежей крови и знала, что где-то впереди Жавон в беде.

Этой девочке не повезло больше всего, подумала Рамона. Случилось бы что-нибудь из этого, подумала она, если бы мать Жавона не попыталась защитить свою дочь, отослав ее подальше от города?

Или если бы я не нашел ее?

Рамона почувствовала, как груз вины оседает на ее плечи, но лишь на мгновение. Но ее бы убили в ту ночь, когда на нее напали, если бы меня там не было, напомнила она себе. Рамона ловко переложила вину еще на один шаг назад, на причину своих собственных проблем и, как следствие, большинства проблем Жавона:

Таннер. Он сделал меня тем, кто я есть — так он говорит. Он привел все это в движение.

Рамона продолжала искать его очертания в глубоких тенях. Она старалась не обращать внимания на запах мерзкой слизи и искала другой знакомый запах, но не находила его.

Он там?

Дарнелл остановился, когда они достигли гребня хребта. Он сделал небольшую паузу, чтобы понюхать воздух и землю, а затем жестом указал вниз по противоположному склону. -Сюда. Мы приближаемся.

Казалось, он очень хотел поймать свою добычу. Рамона не знала, движет ли им желание отомстить за ранение друга или охота овладела Дарнеллом, как иногда овладевала ею.

— Откуда ты знаешь, что мы ближе? — спросила Джен.

Дарнелл стоял очень жестко и скрежетал зубами. Рамона уже не раз узнавала его реакцию отвращения на любую из многих вещей, которые говорила или делала Джен. Однако на этот раз он не стал разглагольствовать. Возможно, охота взяла над ним верх, а возможно, вдали от привычного городского пейзажа он не был так уверен в себе.

Какой бы ни была причина, он негромко, но напряженно обратился к Джен:

— Запах здесь более свежий. Мы настигаем его. Разве ты не видишь?

Джен почесала грязь, не встречаясь с ним взглядом.

— Мы проделали довольно долгий путь, а рассвет уже близок. Не пора ли нам вернуться… в убежище?

У нас есть все необходимое убежище прямо здесь, под ногами, подумала Рамона, но она не обращала внимания на Джен.

Сквозь пролом в деревьях внизу, на западе, виднелся длинный луг. Луг заканчивался отвесной стеной скалы, а у одного края, частично скрытого небольшим кустом цепких сосен, находилось отверстие пещеры.

— Вот, — сказала Рамона.

— А?

— Что?

— Там. — Рамона указала на пещеру. Дарнелл и Джен подошли к ней и проследили за линией ее пальца. — Вот где он.

Ее палец начал дрожать.

Вот где Жавон.

— Почему ты…

Дарнелл прервал Джен.

— Ты уверена? — спросил он.

Рамона кивнула.

— С ним смертная. Я хочу вытащить ее оттуда.

Она не смотрела на Дарнелла, но чувствовала, как его пристальный взгляд буравит ее.

Разве ты не чувствовал этого, Дарнелл? — ей вдруг захотелось закричать. Разве ты не чувствуешь, как прежняя жизнь — настоящая жизнь — ускользает, понемногу, с каждым смертным, которым ты питаешься? Мы теряем... что-то. А у нее все еще есть это! Я не могу ее отпустить.

Но Рамона смотрела вперед на отверстие пещеры и ничего не говорила.

— Пойдемте, — сказал наконец Дарнелл.

Джен нервно шаркала вокруг.

— А как же восход солнца?

Теперь Рамона говорила сквозь стиснутые зубы:

— Я не позволю солнцу достать тебя.

Светлокожая вампирша ничуть не обрадовалась тому, что задумала Рамона, но Джен поняла, что сейчас не время спорить. Она нехотя последовала за Дарнеллом, который вел троицу вниз по склону.

Конечно, тропинка из глаз и согнутых кустов вела вниз к лугу и прямо через него.

— Ждите здесь, пока я иду по тропе, — сказал Дарнелл. — Если она действительно ведет к пещере, я подам сигнал, а вы обойдете вокруг.

— К черту, — сказала Рамона и пошла прямо за ним.

Джен, не желая оставаться одна, тоже пошла следом. Полевая трава, сорняки и полевые цветы на лугу были выше человека. Даже без ихора из глаз Дарнелл мог бы легко пройти по следам сломанных стеблей. Пока все трое пробирались через луг, Джен постоянно оглядывалась через плечо на восточный горизонт. В результате, что раздражало больше, чем ее нервозность, к которой Рамона уже привыкла, Джен то и дело наступала Рамоне на пятки или спотыкалась и делала гораздо больше шума, чем Рамона и Дарнелл вместе взятые.

После третьего или четвертого раза, когда на нее наступили, Рамона зашипела и зарычала.

— Мы убьем его и останемся в пещере, — резко прошептала она. — Так что смотри, куда идешь!

Джен, несмотря на смущение, казалось, почувствовала некоторое облегчение, и они добрались до входа в пещеру без дальнейших происшествий. Черная дыра в склоне скалы была больше, чем показалось Рамоне с гребня. Наверное, большая машина, если она проехала так далеко, могла бы пролезть в отверстие. Под соснами, пробившими себе дорогу сквозь каменистую почву, настороженная троица приостановилась и наклонила головы при звуке далекого голоса. Рамона чувствовала, как они близко. Ей пришлось сдержать себя, чтобы не броситься вперед на помощь Жавону. Они бесшумно проскользнули через отверстие.

Пещера почти сразу сузилась, заставив их встать в одну шеренгу: Дарнелл, Рамона, затем Джен. Они ступали осторожно, и даже Джен избегала пинать рыхлые камни. Вероятно, звук капающей воды — где-то здесь должен быть подземный ручей, подумала Рамона, — перекрывал все легкие звуки, которые они издавали, но они ничего не говорили друг другу. То ли из-за акустики пещеры, то ли из-за остроты их слуха, но время от времени до них доносился этот голос. И однажды, только однажды, Рамона услышала болезненный стон — голос, не похожий на другой, но узнаваемый.

Жавон!

Рамона снова поборола желание броситься к ней. Мы сделаем это вместе, сказала себе Рамона. Она привела своих друзей. Было бы глупо бежать одной. Но теперь, с каждым шагом, она ждала очередного стона, зова Жавона. Если Дарнелл или Джен услышали второй голос, ни один из них не отреагировал.

Держись, — тихо попросила Рамона Жавона. Держись.

Она подумала о том, каково это для смертного. Рамона и ее друзья, и похититель, она догадалась, что может довольно хорошо видеть в темноте, даже в кромешной тьме пещеры. Жавон, однако, был бы слеп, окруженный темнотой, прикосновением рук похитителя, его клыков.

В Рамоне зародилась чистая ярость. Она почувствовала, как опускаются ее собственные клыки. Помимо того, что этот парень проткнул ее колом, он украл ее смертную.

Его задница — моя! Рамона теснила Дарнелла, молча подталкивая его вперед.

Через несколько шагов проход открылся в гораздо более просторную комнату. Потолок уходил за пределы видимости в темноту.

— Да, — раздался голос впереди, теперь гораздо более отчетливый. -Да, моя дорогая.

Дарнелл схватил Рамону, когда она промчалась мимо него. Он тряс ее за плечи, его взгляд упрекал ее, требуя осторожности. Рамона сбросила его руки, но осталась на месте. Он был прав, она знала.

Вместе троица двинулась влево вдоль стены пещеры. Пол представлял собой лабиринт из сталагмитов. Медленно Дарнелл подвел их ближе к голосу.

— Там... нет, не совсем... ах, да.

Рамона остановилась так внезапно, что Джен чуть не столкнулась с ней снова.

Кровь. Рамона почувствовала запах крови. Кровь Жавон.

Жажда крови, смешанная с яростью, побуждала Рамону идти вперед, но она сдержалась. Она на мгновение закрыла глаза и сделала глубокий, успокаивающий вдох — возврат к своим смертным дням. Держись, снова подумала она, но на этот раз слова были адресованы скорее ей самой, чем Жавону.

Дарнелл поднял руку к своим друзьям, призывая их к большей осторожности. Сделав следующий шаг, Рамона смогла разглядеть край сталагмита перед собой, похитителя. Он стоял к ним спиной. Она смутно узнала неухоженные волосы, нитяной свитер и старые, грязные рабочие штаны. До этого она видела его лишь мельком.

Дарнелл остался на месте, жестом приказав Рамоне двигаться дальше влево. Она бесшумно подкралась к указанному им месту. Но все же она была позади похитителя. Казалось, он не знал, что в пещере есть кто-то, кроме него самого и...

Он отступил назад и повернулся настолько, что Рамоне стал виден его глаз — увеличенный, пульсирующий глаз. По его лицу и телу стекали толстые дорожки слизи. Слизь по краям глаза шипела и лопалась, пока Рамона наблюдала за ним.

Затем он сделал еще один шаг назад и показал...

Жавон?

Рамона ожидала, что это будет она, привязанная к большому сталагмиту, но вместо этого здесь было что-то... Рамона не была уверена, что это было. Оно было похоже на человека — туловище, голова, руки, ноги. У него были волосы на голове и в паху, и, похоже, одна грудь с соском, но все остальное тело было ужасно деформировано. Руки и пальцы были согнуты — не сломаны, но скручены, как глина или горячий пластик, в невозможных направлениях, и — может быть? — как-то прикреплены к каменному монолиту, к которому существо было привязано за лодыжки. Когда Рамона осознала, что перед ней человек, она увидела, что грудная клетка обнажена. В поле зрения находился каркас ребер, легкие, медленно втягивающие и выпускающие воздух... и бьющееся сердце.

Боже мой! Рамона отпрянула в отвращении. Как это может быть живым?

Она отвернулась от изуродованного лица, вместо этого уставилась на веревку вокруг лодыжек, на относительно нетронутые ноги, на выброшенную одежду вокруг ног на полу пещеры.

И Рамона узнала одежду.

Она сделала еще один шаг назад, не в силах осознать увиденное.

Похититель, его жуткий взгляд был устремлен только на существо перед ним, снова шагнул вперед. Не подозревая о

своей скрытой аудитории, он протянул руку к лицу своего пленника. Существо инстинктивно вздрогнуло, но было слишком слабо и дезориентировано, чтобы эффективно сопротивляться. Там, где коснулась рука похитителя, щека обвисла.

Она тает! Рамона никогда не видела ничего подобного — кожа таяла, как воск!

Мучитель вытянул рукой плоть так, как никогда не должна растягиваться кожа. Он прикоснулся вытянутой щекой к плечу существа, нежно потер, как кожа прилипает к коже. На мгновение он задержался на этом месте, затем осторожно похлопал по нему. И все время, пока он прикасался к ней, глаз светился неестественным шафрановым цветом, как желтушное, тухлое яйцо.

— Да, она прекрасна, — сказал он, словно отвечая на вопрос. Он наклонился вперед и нежно поцеловал существо в новую форму щеки. — Ты приближаешься к совершенству, моя прелесть. Ты сделаешь меня тостом каждого Тореадора. По его истощенной фигуре прокатился задорный смех. Сияние снова исчезло из глаз. — Я стану Тореадором Тореадоров!

Тореадор? У Рамоны голова шла кругом. Она не могла понять смысл того, что видела и слышала.

Но потом существо открыло рот — ту часть, которая еще могла открыться, — и с его губ сорвался низкий, полный боли стон.

Этот звук заставил Рамону упасть на колени, подтвердив то, что она пыталась сказать себе, что это неправда, не может быть правдой.

Еще один мучительный стон.

Запах крови, одежда, голос…

Жавон!

Зрение Рамоны начало затуманиваться красной кровью. Ее пальцы скрутились в когти, такие же, как на ногах. Она взглянула на Дарнелла. Он казался слишком спокойным. Он жестикулировал. Что он пытался ей сказать? И тут она поняла. Она должна идти высоко. Он должен был опуститься ниже.

Не успела она осознать его смысл, как кивнула один раз и бросилась наутек. Дарнелл вскочил в тот же миг.

Рамона нацелилась на глаз. Паря во влажном воздухе пещеры, она уже чувствовала, как ее коготь вонзается в глаз. Она видела, как он выскочил из глазницы, выпустив струйку крови и запёкшейся крови.

Но будущему, которое она предвидела, не суждено было сбыться.

Низкий, менее резкий нырок Дарнелла привел его к похитителю на долю секунды раньше Рамоны. Дарнелл врезался в колени тореадора, и тот резко дернулся.

Рамона приземлилась ему на плечи, и удар когтя прошелся по лицу похитителя — на долю дюйма правее глаза. Она зацепила ноздрю и оттяпала значительную часть его носа, но его первоначального ошеломления хватило, чтобы спасти глаз.

Все трое грубо приземлились на землю: Рамона — на Тореадора, Дарнелл откатился в сторону и быстро встал на ноги, готовый нанести удар.

— Что…? Кто…? — Крики Тореадора оборвались, когда Рамона повалила его на спину.

Когда она подняла руку для удара, который вполне мог бы снести ему голову, он обнажил клыки и зашипел, как загнанный в угол зверь.

Рамона точно знала, что он один из них. Однако в тот же миг деформированный глаз, казалось, стал еще больше и засветился тошнотворным желтым светом. Внезапно шипящий ихор вокруг глаза брызнул Рамоне в лицо. Она рефлекторно закрыла глаза, но слизь обожгла ее кожу, как кислота, а там, где она попала на уже покрытую волдырями кожу, она почувствовала жжение до самой кости.

Рамона вскинула руки к лицу, обжигая и их, и откатилась в сторону, крича от боли.

— Рамона! — Джен, видя, что ее подруга ранена, бросилась в бой. Рамона открыла глаза вовремя, чтобы увидеть, как Джен и Дарнелл набросились на похитителя, который быстро поднялся на ноги.

Одним взмахом руки жилистый похититель отправил Джен в кровавое месиво. Дарнеллу пришлось нырнуть в сторону, чтобы избежать ее спотыкающейся фигуры. Он приземлился недалеко от Рамоны.

— Позови смертного, — прорычал он ей. — Мы позаботимся об этом уроде. Без лишней паузы он снова бросился на их врага, и, в отличие от Джен, похититель не мог сравниться с Дарнеллом в скорости и силе. Дарнелл отбросил его назад и повалил на землю.

Рамона тряхнула головой, пытаясь прояснить мысли. Она проигнорировала последние ожоги от того, что брызнуло из глаз. Она поднялась на ноги и бросилась к Жавону.

Жавон? Это не может быть она.

Рамона не могла заставить себя поверить, что это так.

Нет…

Но вот один глаз существа открылся и уставился в лицо Рамоны. Рот открылся, но из него доносились лишь невнятные звуки. Рамона отвернулась. Ей пришлось заставить себя обернуться — и она пожалела, что не сделала этого. Она увидела вильчатый язык, оба кончика которого срослись с крышей рта. Рамона снова посмотрела на глаза существа, на глаза Жавона, и ее отвращение сменилось жалостью.

— Я помогу тебе... — Рамона сделала паузу, подавившись именем: — Жавон.

Жавон кивнула, затем ее глаз закрылся. Ее челюсть и голова повисли.

Рамона обернулась на крик. Дарнелл приседал. Он успел увернуться от очередной струи из глаза, но Джен не повезло. Плечо и рукав ее кофты дымились и шипели, как и кожа под ними.

Рамона поспешно обернулась к Жавон и одним ловким движением когтя перерезала веревку вокруг ее лодыжек. С руками девушки дело обстояло иначе. Здесь не было веревки, которую можно было бы перерезать или развязать, только кожа и камень — кожа срослась со сталагмитом позади Жавон. А камень отламывать слишком долго.

Схватка, тем временем, переросла в нечто вроде противостояния. Дарнелл и Джен, отдавая предпочтение своему обожженному шул-деру, настороженно кружили вокруг своей жертвы и особенно внимательно следили за странным глазом. Похититель, в свою очередь, медленно отступал к стене, стараясь не дать ни одному из нападавших зайти ему в спину. Оценив своих противников, он обратил более пристальное внимание на Дарнелла.

Рамона колебалась лишь мгновение. Ей не хотелось причинять девушке новые страдания, но больше всего на свете она хотела увезти беднягу Жавона подальше от этого места

пыток. Рамона схватила смертного за руку и потянула. Кожа оторвалась от камня, и пронзительный крик наполнил пещеру и отозвался оглушительным эхом.

Но закричала не Жавон.

Бандитский похититель стоял прямо. Его голова дернулась вверх. Он уставился на своих ближайших помощников, которых, казалось, больше не замечал.

— Не трогайте мой шедевр! — прорычал он, и внезапно он стал казаться выше, чем раньше, менее стройным. Глаз пролил зловещий, бледный свет на всю комнату.

Рамона подняла Жавона на руки, но тут же замерла, когда взгляд глаз упал на них. Этот взгляд приковал Рамону к месту: холодная ненависть бесчисленных лет высасывала страсть из ее костей. Каким ничтожным казался теперь этот смертный, какими ничтожными были побуждения, двигавшие Рамоной. Кто она такая, чтобы вмешиваться в это монументальное произведение искусства?

Собственные желания Рамоны развеялись под тяжестью веков. Она опустилась на колени и положила смертного на землю.

Дарнелл и Джен не понимали действий Рамоны, но они видели, что их враг отвлекся, и набросились на него.

Оставьте его в покое, подумала Рамона, внезапно почувствовав беспокойство. Почему они его беспокоят?

Глаз вспыхнул ярким золотым светом, и сцена развернулась перед Рамоной как в замедленной съемке. Джен прыгнула в сторону похитителя, но тут из пола пещеры вырвался сталагмит, которого раньше не было. Он выстрелил вверх и поймал Джен в воздухе. Его зазубренное острие вонзилось живот, сбивая ее с ног. Пробивая себе путь через грудную

клетку, он пронзил ее тело, дробя кости и рассекая кожу. Выйдя через выгнутую спину, а затем полностью пронзив шею, сталагмит наконец остановился.

Голова Джен, кровавая куча костей и светлых волос, упала на пол пещеры.

Дарнелл атаковал одновременно с Джен, но Рамоне показалось, что он тоже двигался в замедленной съемке в мерцающем золотом свете.

Тореадор поймал Дарнелла.

Сила выпада Дарнелла должна была, по крайней мере, отбросить его цель на несколько шагов назад, но похититель зажал руку на каждом из плеч Дарнелла и поймал его, не дав даже вздрогнуть.

Затем он сжал. Он потянул плечи Дарнелла в стороны, и пока Рамона в восторженном ужасе смотрела на это, их враг раздвинул плечи Дарнелла на фут шире. Плоть и кости растянулись под руками похитителя.

Дарнелл застонал, упав на колени. Его руки бесполезно свисали по бокам. Плечевые суставы и мышцы были безнадежно перекошены. И тут чудовище с глазами потянулось к лицу Дарнелла.

— Давай!

Рамона подскочила при звуке, который издал Таннер рядом с ней. Шок вернул ее в тот момент, вырвал из захвата глаз.

— Давайте уйдем отсюда! — призвал он резким шепотом. В нем было что-то странное, но среди смятения мысль не успела до конца сформироваться в сознании Рамоны.

— Хватай ее и пойдем! — Он сделал жест в сторону Жавона, а затем повернулся, чтобы уйти, как и ранее той ночью.

Жавон. Кровь. Джен. Неужели это могла быть одна и та же ночь?

Таннер привел ее к деревьям сразу после захода солнца. Сейчас уже почти рассвело. И снова он приказал ей следовать за ним, а затем повернулся, чтобы уйти. Рамона оглянулась назад, туда, где монстр вдавливал пальцы в лоб Дарнелла. Кости поддавались, как глина под руками скульптора. Дарнелл вскрикнул, когда отверстия его глаз становились все меньше и меньше.

— Будь ты проклят, придурок. Придется ему самому за себя постоять!

Рамона снова посмотрела на Таннера. В прошлый раз он предположил, что она последует за ним. Со всей своей уверенностью он просто продолжал идти. В этот раз он остановился, чтобы убедиться. На этот раз его голос умолял ее. Взглянув ему в глаза, Рамона поняла, что все изменилось.

Страх.

Его лицо было залито ею. Он столкнулся с тем, от чего скорее хотел бы убежать, чем бороться.

Я сделал тебя тем, кто ты есть.

Но он не знал, что делать. Он боялся. Это осознание повергло Рамону в ужас.

Я твой отец, сказал он. Я создал тебя такой, какая ты есть. Она думала, что именно он откроет ей тайные знания, покажет смысл этого нового существования. Но он не понимал, что происходило здесь. Он убегал. Боялся.

Рамона снова подняла Жавона и побежала за Таннером. Увидев, что она следует за ней, он бросился наутек. Крики Дарнелла эхом разносились по всей пещере. Они гнались за Рамоной по туннелю. Она бежала все быстрее и быстрее, но не могла их обогнать.

А потом она вышла из пещеры на луг.

Крики Дарнелла все еще отдавались эхом в ее ушах.

Таннер не сбавлял скорости, но Рамона, даже неся на себе груз инертного Жавона, почти догнала его. Небо светлело на востоке. Это напомнило Рамоне не столько о боли, которую она испытала всего один рассвет назад, сколько о том, как Джен беспокоилась о том, где они остановятся — Джен, чья голова лежала на полу пещеры у ног чудовища. Рамона пропустила шаг, споткнулась, чуть не упала вместе с Жавоном на землю.

Насколько хуже стало Дарнеллу? поинтересовалась Рамона.

Я должна вернуться и спасти его, подумала она. Но как?

Она покачала головой. Это не имеет значения. Я должна… быть там с ним… умереть вместе с ним.

Но там, впереди нее на лугу, стоял ее сир, тот, кто создал ее как вампира. Он казался намного хитрее, чем она. Он мог без проблем подкрасться к ней, а потом бесследно исчезнуть. А он убегал.

Это должно тебе о чем-то сказать, девочка, подумала она. Они пересекли луг и стали подниматься на холм.

Таннер отстал, когда Рамона споткнулась, но она снова почти догнала его. Он без паузы бежал к хребту. Ни один листик или веточка не шелохнулись при его приближении. Хруст шагов Рамоны, казалось, возвещал о ее присутствии

раннему утру. Она стала укорять себя: Я веду себя так же громко, как… потом остановилась.

Джен.

Таннер остановился на полпути к западному склону холма.

— Этого хватит, — сказал он. — Солнце, вероятно, уже горит на другой стороне хребта. Мы ляжем на землю здесь.

Спуститесь на землю. Конечно. Времени на поиски укрытия не было. Но Рамона смотрела на хромую фигуру в своих руках.

— Я не могу просто оставить ее, — жалобно сказала она. Таннер посмотрел прямо на Рамону впервые с тех пор, как они выбрались из пещеры. Его выражение лица был пусто. Он ничего не сказал.

— Я не могу оставить ее! — кричала Рамона. Ее глаза затуманились от кровавых слез.

— Делай то, что должна, — ровно сказал он.

— Пошел ты!

Таннер бесстрастно наблюдал за ней.

Рамона опустила Жавон на землю, погладила ее по волосам.

— Я не могу просто… — Лицо Жавон было так же сильно изуродовано, как и все остальное тело, может быть, даже хуже. Один глаз просто отсутствовал, скрытый под растянутой плотью и костями, возможно. Нос был сплющен, разбит в сторону и, вероятно, больше не функционировал для дыхания, судя по мягкому, постоянному пыхтению из того, что осталось от рта Жавон. Ее красивые губы были сплющены, растянуты, а голова находилась под острым углом, удерживаемая мясистой щекой, которую Рамона видела прижатой к плечу девушки.

— Я не могу просто…

Рамона почувствовала запах крови. Она была повсюду, она видела. Руки Жавона, оторванные от камня, кровоточили, и так было все время, пока Рамона несла ее.

— Делай, что должна, — торжественно сказал Таннер, а затем опустился на землю.

Рамона смотрела ему вслед. Она не знала, погрузился ли он под землю, или его тело действительно стало частью земли. Она не знала, что будет с ее собственным телом, когда через несколько мгновений она присоединится к нему. Ей оставалось не более чтобы принять решение. Последние несколько минут рассвета, когда солнце наконец поднималось над горизонтом, всегда казались такими быстрыми. Ее кожа уже стала теплой на ощупь, как будто ее лихорадило. Но лихорадить может только живая плоть.

Искаженное тело Жавона лежало у ног Рамоны. Смертная девушка была превращена в чудовище так же точно, как и Рамона. Но если Рамона могла охотиться, находить пропитание и выживать, то Жавон не могла продолжать в том же духе.

Рамона погладила гладкую шоколадную кожу девушки — почти единственную узнаваемую черту, за исключением единственного глаза, который открылся, чтобы посмотреть на Рамону. Жавон не могла говорить. Даже если бы ее язык не прилип к крыше рта, ей не хватало сил.

Скорее всего, она не переживет и дня, пыталась сказать себе Рамона. А если Жавон и выживет, ни один хирург не сможет исправить нанесенный ей ущерб.

Я бы оказала ей милость, — подумала Рамона. — Я не могу просто бросить ее.

Солнце поднималось. Времени было так мало.

Рамона смотрела в человеческие глаза посреди этого чудовища из искореженной плоти. Она хотела что-то сказать, утешить Жавона, но слов не было. Рамона нежно поцеловала то, что должно было быть идеальной подростковой щекой. Она в последний раз посмотрела на обнаженную Жавон и попыталась разглядеть в непристойном бугре девушку, которую знала.

Затем Рамона дотянулась до открытого сердца и положила руку на бьющийся орган. Несмотря на невообразимые травмы, нанесенные телу, сердце все еще билось, все еще прогоняя через себя кровь Жавона.

Когда солнце начало палить ее спину, Рамона глубоко выпила. Кровь была сладкой, но горечь поглотила ее душу. Рамона пила, пока не угас смертный огонь, и тогда она погрузилась в землю.

Часть третья: Зола

Пятница, 23 Июль 1999, 9:09 PM
Верхний штат Нью-Йорк

Когда прилив сознания начал мягко, но недвусмысленно подталкивать Рамону, она почувствовала сильное искушение проигнорировать его, зарыться поглубже в обнаруженное ею подземное спокойствие. Не было ни одной причины для ее сдержанности; чувство было обширным и многослойным, как лоскутное одеяло. Она видела себя уютно устроившейся среди простыней и одеял на своей кровати, не желая вылезать и собираться в школу, где может случиться почти все, что угодно. Однако эта нерешительность коренилась не в довольстве настоящим, а в страхе перед будущим.

Постепенно она стала лучше понимать, что ее окружает. Она уже не была той юной девушкой, какой была раньше. Школа не была проблемой. Не было ни простыней, ни одеял. Покой, окутывавший ее, принадлежал самой земле — почве, камню, корням, ползучим тварям. Она была с ними, она была из них.

Вот как это выглядит в самом конце? Рамона победила. Может ли смерть — настоящая смерть — быть более спокойной?

Она простерла свое пробуждающееся сознание к тому, что ее окружало. Она вплеталась в массивные корни, которые поддерживали и питали большой дуб. Она прослеживала круговые повороты туннелей сурка.

Может, я просто останусь.

Это было бы так просто — покончить с болью.

Но даже в то время, как довольство овладевало ею, что-то еще будоражило ее — голод. Он крепко сжимал ее сердце,

душил ее душу. Ибо это не ее тело жаждало, а хищный зверь внутри нее, который вопил, требуя освобождения. Мысли об отдыхе, о покое лишь усиливали ярость ее бреда.

Ты поддался зверю.

Это чувство уже двигало ею в течение двух лет, так же как и сейчас оно не давало ей покоя. Она чувствовала голод много раз, но никогда не понимала, какая сила стоит за ним. Она никогда раньше не знала, насколько близко к поверхности лежит Зверь.

Рамона тоже поднялась ближе к поверхности — поверхности земли, поддерживающей жизнь. Темнота и замкнутость отступили в далекие воспоминания. Ощущение воздуха на лице медленно проникало в ее сознание. Она размяла пальцы рук и ног, заставляя двигаться мышцы и сухожилия, которые уже давно должны были сгнить в пыль.

Прах к праху.

Ночные звуки проникали сквозь ее слабеющую летаргию. Сверчки и древесные лягушки напоминали ей, что она находится далеко от привычных асфальтовых джунглей, в которые заключили себя смертные. Эти звуки напоминали ей, предупреждали ее.

— Если вы хорошо себя чувствуете и готовы...?

Голос, раздавшийся так близко, полностью привел Рамону в чувство. Меньше чем за секунду она оказалась на ногах, приседая, готовая к атаке.

В тридцати футах от него на корточках сидел Таннер, сложив руки, на его лице, не скрытом волосами или солнцезащитными очками, виднелось угрюмое выражение.

Его присутствие вызвало у Рамоны самые свежие воспоминания. Они нахлынули на нее, как стена пламени, подгоняемая жестоким ветром. Джен больше не было. То же самое можно сказать и о Дарнелле. И Жавон...

Жавон!

Ее имя было отчаянным воплем. Оно свидетельствовало о звере внутри Рамоны. Она опустилась на землю, вспоминая свое преступление прошлой ночью — как она питалась прямо из бьющегося сердца девушки, пока оно не отдало последние остатки своей крови. Кровь Жавона.

Рамона, сидя со скрещенными ногами, положив голову на руки, ожидала, что слезы крови Жавона захлестнут ее. Она ждала слез, но они не приходили. Была только огромная пустота. И сквозь эту пустоту эхом разносился вой Зверя.

— Никогда, — наставлял ее Таннер, — не поднимайся с земли, не зная, кто или что там находится.

Рамона проигнорировала его. Он был явно раздражен, но ей было все равно. Она не могла избавиться от чувства вины за смерть Жавона. Только недавно Рамона начала понимать природу связи между ней и девушкой — то, как близость к смертной поддерживала в Рамоне связь с той причудливой частью человечности, которая была в ней самой. Но теперь Жавон больше не было. Умерла от руки самой Рамоны. На мгновение ей показалось, что она слышит вокруг себя вой зверя, но это был всего лишь ветерок, играющий в листьях деревьев.

Таннер не двигался. Он не мигая смотрел на нее.

Рамона посмотрела на него в ответ. Все это не имело для нее никакого смысла. Два года она не знала ничего, кроме страха и голода. Теперь перед ней был человек, который мог все это объяснить, но, похоже, его больше интересовал приказ.

Что ж, мистер Линкольн освободил рабов, подумала она.

Таннер украл ее прежнюю жизнь. Он не спросил ее, хотела ли она этого существования ночи и крови.

— Я должна идти, — сказал он наконец.

— Я ждал тебя.

— Ты хочешь, чтобы я поблагодарила тебя? — спросила Рамона, но ее непокорность была подавлена вновь вспыхнувшим страхом.

Он снова собирался уйти. С тех пор как она узнала о нем, так все и происходило. Он появлялся ненадолго, а потом исчезал за окном Рамоны, в гараже, в лесу в Хейесбурге. Разница была лишь в том, что впервые он потрудился сказать ей об этом перед исчезновением.

— У меня есть вопросы, — сказала Рамона.

— Всему свое время.

Он не двигался. Он был слишком спокоен. Как будто он не был жив.

— Не знаю, как ты, — огрызнулась Рамона, — но я не очень хорошо провожу время.

Таннер все так же безучастно смотрел на нее.

— Я должен забрать других.

Другие.

Рамона не могла понять, что он имел в виду. Других, как Жавон, чтобы накормить прожорливого Зверя? Или под другими он имел в виду Дарнелла и Джен, которых нужно было

спасать? Хотя Джен, напомнила себе Рамона, спасти было невозможно.

— Мы должны забрать Дарнелла, — сказала Рамона Таннеру. Он покачал головой. — Сначала я займусь другими.

Его лицо ничего не выдавало, но Рамона помнила выражение страха, которое она видела в нем прошлой ночью. Ей тоже не хотелось возвращаться в ту пещеру, но она не могла просто так оставить Дарнелла.

— Дарнелл не умер... может быть, и не умер, — настаивала она.

— Лучше для него, если это так, — ответил Таннер совершенно искренне. Рамона хотела возразить, но вспомнила, как этот безумец с глазом изуродовал Жавона, поняла, что Таннер, вероятно, прав.

— Но мы должны это выяснить, — сказала она.

Удивительно, но Таннер кивнул в знак согласия.

— Да. Я приведу других, а потом мы уничтожим это существо.

Рамона внимательно наблюдала за ним. Теперь, когда она не спорила с ним, его хмурый взгляд был не таким глубоким. Судя по его словам, он меньше, чем она, надеялся, что Дарнелл так долго продержался. Таннера интересовала месть. Она не удивилась. Мужчины были такими. Таннер чувствовал, что его гордость каким-то образом уязвлена, и собирался вернуться и надрать задницу этому существу.

Это существо.

Рамона могла представить себе только огромный глаз, пульсирующий, сочащийся. Неужели он действительно брызнул

ей в лицо какой-то кислотой? Рамона провела пальцем по частично зажившей коже — она зажила благодаря крови Жавона — вокруг глаз и носа. Схватка в пещере уже казалась чем-то из страшного сна. Она потускнела почти до неузнаваемости, хотя крошечные кислотные ожоги на ее рубашке были вполне реальны.

Для Джен и Дарнелла это было реальностью, подумала Рамона.

И для Жавона.

— Где тело Жавон? — подозрительно спросила Рамона, когда последний туман рассеялся в ее голове, и воспоминания прошлой ночи стали более отчетливыми. Это было то самое место, где она оборвала жизнь Жавона, но тела нигде не было видно.

— Я похоронил ее, — сказал Таннер.

— Где? — потребовала Рамона. Кончики ее пальцев превратились в когти. Она сжала их по бокам.

— Я должен идти, — сказал Таннер, его оцепенение вернулось. Рамона шагнула к нему.

— Ты не пойдешь никуда, пока я не получу ответы.

Она знала, что ей не следует быть такой прямолинейной, что Таннер, скорее всего, научит ее.

Он говорил ей все, что нужно знать, чтобы выжить, если она будет относиться к нему уважительно, но его манеры и его слова так быстро приводили ее в ярость. Почему, задавалась она вопросом, она должна относиться к нему с уважением, если он не собирается делать то же самое с ней?

— Я не спрашиваю разрешения, детеныш.

Детеныш. Опять это. Рамона вздрогнула от его звучания.

— Нам придется поговорить об этом “детеныше”.

Без предупреждения Таннер обнажил клыки и издал демоническое шипение. Он стянул с лица очки и открыл кроваво-красные глаза — зрачки были вертикальными щелями, как у кошки, — и их взгляд пронзил Рамону насквозь. Она отступила на шаг назад.

— Я больше не потерплю твоей дерзости, — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Я похоронил тело у Столовой скалы, в двух милях в ту сторону. Он указал вдаль. — Ждите там, а я пошлю других. Мы не должны быть так близко к пещере.

Он повернулся на пятках, но остановился в нескольких ярдах от них.

— Проявляй должное почтение к старшим, иначе тебе не выжить.

И с этим он исчез. Рамона едва заметила его движение, но его больше не было.

Боже мой, подумала она. Его глаза…

Она стояла и смотрела на то место, где он стоял, на то место, где эти нечеловеческие глаза устремили свой взгляд на нее.

Ее ноги внезапно стали нетвердыми. Она неуверенно села на землю.

Он так же плох, как тот Тореадор.

И Таннер, ее отец, создал ее по своему образу и подобию.

Пятница, 23 Июль 1999, 10:10 PM
Верхний штат Нью-Йорк

Столовую скалу было легко найти — в двух милях к северу, куда Таннер указал перед исчезновением. Рамона была обеспокоена тем, что он мог так легко ускользнуть от нее. Она даже не отвлекалась, она смотрела прямо на него, и вдруг его не стало. Как тогда, когда байкер подошел к ней в ту первую ночь у моста: он был здесь... а потом там. Без всякого промежутка.

Это был тот тип вещей, которые она могла делать со смертными.

Но не сразу, поняла она.

Прошло несколько месяцев после изменения, прежде чем она начала понимать и контролировать свои удивительные способности, и еще несколько месяцев, прежде чем она смогла использовать эти способности с какой-либо последовательностью или компетентностью, даже среди смертных. Были ли эти другие вампиры просто более опытными, чем она? Был ли это вопрос опыта, или они были настолько сильнее ее, как и она по сравнению со смертным? Рамона не могла придумать хороший способ выяснить это. До сих пор Таннер был не слишком информативен, и она сомневалась, что он научит ее чему-то, что могло бы ослабить его власть над ней. Он слишком наслаждался своим превосходством, чтобы отказаться от него. Рамона должна была узнать от него все, что могла, и читать между словами для остальных.

Может быть, когда они надерут задницу этому Тореадору — что бы это ни был за Тореадор — Таннер откроется немного больше.

— По крайней мере, ему лучше перестать называть меня “птенцом”, — вслух сказала себе Рамона.

Не было никакого секрета в том, как Столовая скала получила свое название. Это была большая каменная плита, размером тридцать на сорок футов, как догадалась Рамона, ее примерно квадратная поверхность была удивительно ровной.

— Как чертов стол, — снова сказала себе Рамона, забираясь на скалу. — Какой-то первопроходец сильно разыграл свое воображение, создавая эту картину. Звук собственного голоса хоть немного, но успокоил ее мысли.

Рамону меньше интересовал камень, а больше — участок свежевывернутой земли в человеческий рост на небольшом уклоне неподалеку.

Жавон.

Рамона вдруг почувствовала, что земля разверзлась под ее ногами. Камень больше не казался устойчивым. Когда она ступила на землю, ее колени подкосились. Она пошатнулась. Горечь к Таннеру, которую она лелеяла в себе, улетучилась, и осталась только пустота, огромная пустота там, где раньше было… что?

Спасение Дарнелла, Тореадора, Таннера, Саб-бата, само выживание — все, что должно было занимать ее мысли, было очень мелким и далеким, неважным, бессмысленным.

Все, что имело значение, — это потеря и чувство вины.

Жавон.

Рамона опустилась на колени на свежевывернутую землю, которая была ее приговором. Она уткнулась лицом в грязь и вспомнила, как несла раненую смертную по темным улицам и вернула ее в свой дом.

Ты спас ей жизнь, — сказал голос внутри Рамоны.

Она уже жила в долг.

— Я убила ее, — всхлипывала Рамона, хотя, вытирая грязь с лица, она чувствовала, что оно сухое. Она должна была плакать. Она хотела плакать. Но слез не было. Она была сухой и пустой.

Это было твое право забрать ее, сказал голос. Ты спас ее.

— Я убил ее.

Ты уже убивал. Ты убьешь снова.

— Жавон... — Она подавилась этим именем. В словах, которые произнес голос, не было утешения. В мире не было утешения, чтобы успокоить ее. Она могла оставить девушку после того, как спасла ее. Рамона могла бы после этого держаться подальше, отвергнуть себя.

Она лежала на могиле, вспоминая свою попытку бегства, вспоминая, как Жавон преследовал ее.

Она хотела тебя! — сказал голос. — Она хотела, чтобы ты взяла ее кровь.

Но Рамона слышала ложь, скрытую в этих словах. Смертный не мог противостоять голоду так же, как Рамона. Она вспомнила ночь перемены — как та фигура, как Таннер завладел ею. Она поддалась. Она не могла не поддаться. На несколько мгновений ей даже показалось, что она хочет сдаться, но настоящего выбора, свободы воли не было.

Она хотела, чтобы ты взял у нее кровь.

— Нет! — Рамона отвергла ложь.

Жавон не выбирал этого, не хотел этого. Рамона не выбирала этого.

Таннер выбрал. Он выбрал для Рамоны, и он выбрал для Жавона.

Рамона впилась пальцами в грязь, сжала когти в кулак.

— Чертов ублюдок.

Она хотела, чтобы Таннер вернулся. Она хотела разорвать его грудь, вырвать сердце и запихнуть его в глотку. Она пировала бы его кровью и смотрела, как этот самодовольный взгляд застывает в маске смерти.

В его крови есть сила. Это твой долг.

Рамона тряхнула головой, чтобы очистить мысли и прогнать голос. Она снова коснулась своего сухого лица и удивилась, почему не может заплакать. Она искала печаль, которая раньше грозила захлестнуть ее, но не могла ее почувствовать. Она находила лишь следы ее исчезновения, как следы какого-то вымершего существа — следы ее собственной вымершей человечности. Сострадание уступало место горечи, надежда — ненависти.

Она погладила выемки, которые сделала на могиле, затем подтащила себя обратно к камню, забралась на него и рухнула. Она лежала, не желая смотреть на могилу, не желая встретиться взглядом с местом упокоения человека, чья кровь текла в ее жилах.

Рамона не хотела смотреть на это, но кровь знала. Она знала, что, подобно цветку, сорванному с дерева, собранное человечество скоро завянет и умрет. Рамона лежала на плоском камне неподвижно и холодно. Сверчки и древесные лягушки не обращали внимания на ее страдания.